

Марк ЗАХАРОВ
Mark ZAKHAROV

Акрам ХАН
Akram KHAN

Борис ЮХАНАНОВ
Boris YUKHANANOV

Лин ЛИ-ЧЕН
Lin LE-CHEN

Айдар ЗАББАРОВ
Aidar ZABBAROV

ИТИ-ИНФО

№ 3 (48) 2019

Давайте ВПОЛГОЛОСА

LET'S IN AN UNDERTONE

реклама

*Keeping good traditions
of communication*

(495) 984-56-00

www.kgtc.ru

International Theatre Institute
World Organization for the Performing Arts

«МИТ-инфо» № 3 (47) 2019

Учрежден Союзом по поддержке театральной деятельности и искусства «Русский национальный центр Международного института театра».
Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации
СМИ ПИ № ФС77-34893 от 29 декабря 2008 года

“ITI-Info” № 3 (47) 2019

ESTABLISHED BY THE UNION FOR PROMOTING THEATRE ACTIVITIES AND ART “RUSSIAN NATIONAL CENTRE OF INTERNATIONAL THEATRE INSTITUTE”.
REGISTERED BY THE FEDERAL AGENCY FOR MASS MEDIA AND COMMUNICATIONS.
REGISTRATION LICENSE SMI PI № FS77-34893 OF DECEMBER 29TH, 2008

Главный редактор: Альфира Арсланова / EDITOR-IN-CHIEF: ALFIRA ARSLANOVA

Зам. главного редактора: Ольга Фукс / EDITOR-IN-CHIEF DEPUTY: OLGA FOUX

Дизайн, верстка, препресс: Михаила Куренков / DESIGN, LAYOUT, PREPRINT: MIKHAIL KURENKOV

Координатор: Юлия Ардашникова / COORDINATOR: YULIA ARDASHNIKOVA

Корректурa: Юрий Соловьев / PROOF READING: YURY SOLOVYEV

Реклама и финансы: Ирина Савенко / ADVERTISING AND ACCOUNTANCY: IRINA SAVENKO

Печать: Михаил Лебедев / PRINTING: MIKHAIL LEBEDEV

Официальный партнёр журнала ЗАО «КейДжиТиСи» www.kgts.ru / OFFICIAL TRANSLATION PARTNER KGTC www.kgts.ru

Адрес редакции: 129594, Москва, ул. Шереметьевская, д. 6, стр. 1

EDITORIAL BOARD ADDRESS: 129594, MOSCOW, SHEREMETYEVSAYA STR., 6, BLD. 1

Электронная почта: rusic@bk.ru / E-MAIL: rusic@bk.ru

На обложке – сцена из спектакля Шанхайского балета «Эхо вечности». Фото: © SHANGHAI BALLET COMPANY

COVER: “ECHOES OF ETERNITY”. SHANGHAI BALLET COMPANY. PHOTO © SHANGHAI BALLET COMPANY

Отпечатано в типографии ООО «Райкин Плаза» 129594, г. Москва, ул. Шереметьевская, д. 6, стр. 1. Цена свободная. Тираж 1000 экз. Подписано в печать 23.05.2019

PRINTED BY RAIKIN PLAZA LTD. 129594, MOSCOW, SHEREMETYEVSAYA STR., 6, BLD. 1 OPEN PRICE. A NUMBER OF COPIES PRINTED IS 1000. PUT INTO PRINT ON 23.05.2019

Фотографии предоставлены пресс-службами Международного фестиваля им. Чехова, ГМИИ им. Пушкина, Египетским центром МИТ, фестиваля «Маленький сложный человек», Центра им. Мейерхола, Норильского Заполярного театра драмы им. Вл. Маяковского, МАМТа им. Станиславского и Немировича-Данченко, Пражской квадриеннале, Театра Наций, Оренбургского театра драмы им. М. Горького, Башкирского театра драмы им. М. Гафури, а также из личного архива Вячеслава Дурненкова, Саши Денисовой, Лорана Илера

PHOTOS ARE PROVIDED BY PRESS SERVICES OF CHEKHOV INTERNATIONAL THEATRE FESTIVAL, THE PUSHKIN STATE MUSEUM OF FINE ARTS, EGYPTIAN CENTRE OF ITI, “A COMPLEX LITTLE PERSON” THEATRE FESTIVAL, MEYERHOLD CENTRE, NORILSK POLAR DRAMA THEATRE NAMED AFTER VL.MAYAKOVSKY, STANISLAVSKI AND NEMIROVICH-DANCHENKO MOSCOW MUSIC THEATRE, PRAGUE QUADRENNIAL, THEATRE OF NATIONS, MAXIM GORKY ORENBURG DRAMA THEATRE, BASHKIR STATE ACADEMIC DRAMA THEATRE NAMED AFTER MAZHIT GAFURI, ALSO COURTESY OF VYACHESLAV DURNENKOV, SASHA DENISOVA, AND LAURENT HILAIRE

Журнал «МИТ-инфо» – издание Российского центра Международного института театра. Выпускается на двух языках (русском и английском) в целях международного сотрудничества в области театра.

Создан в 2010 году, выходит четыре раза в год, рассылается во все национальные центры.

Реализуется по подписке и в розницу.

ЧИТАЙТЕ О НАС ПОДРОБНЕЕ
НА САЙТЕ РОССИЙСКОГО ЦЕНТРА МИТ
WWW.RUSITI.RU

ITI-INFO REVIEW IS THE EDITION OF RUSSIAN CENTRE, INTERNATIONAL THEATRE INSTITUTE.
PUBLISHED IN TWO LANGUAGES (RUSSIAN AND ENGLISH) FOR PURPOSES OF INTERNATIONAL THEATRE COOPERATION.
ESTABLISHED IN 2010, ISSUED FOUR TIMES A YEAR, DISTRIBUTED TO ALL NATIONAL CENTRES. REALIZED THROUGH SUBSCRIPTION AND BY RETAIL.

READ ABOUT US
AT THE WEBSITE OF ITI RUSSIAN CENTRE
WWW.RUSITI.RU

Содержание

Content

52 ОБЛОЖКА

ТУГАНЛЫК: ПОРА ПЕРЕМЕН

С 23 по 30 мая 2019 года в столице Башкортостана прошел VII Международный фестиваль тюркоязычных театров «Туганлык» («Родство»).

COVER

TUGANLYCK – TIME OF CHANGE

From May 23rd to 30th, 2019, the VII International Festival of Turkic-speaking theatres “Tuganlyk” (“Kinship”) was held in the capital of Bashkortostan.

- 4** **НОВОСТИ**
NEWS
- 12** **IN MEMORIAM**
УШЕЛ МАРК ЗАХАРОВ
IN MEMORIAM
MARK ZAKHAROV PASSED AWAY
- 18** **ВЫСТАВКА**
ПРАЖСКАЯ КВАДРИЕННАЛЕ
EXHIBITION
IQ FOR PQ
- 24** **ОПЕРА**
С ПЕСНЕЙ ПРО ЖИЗНЬ
OPERA
WITH A SONG THROUGH LIFE
- 28** **АКТУАЛЬНОЕ ИМЯ**
С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЛЬВА
ACTUAL NAME
FROM THE POINT OF VIEW OF A LION
- 38** **ТАНЕЦ**
ПРИКЛЮЧЕНИЯ РИТУАЛА
DANCE
ADVENTURE OF RITUAL
- 42** **РЕПЕТИЦИЯ**
ДРЕВОРОЖДЕННЫЙ
REHEARSAL
TREE BORN
- 62** **РОССИЯ**
ОРЕНБУРГ –
ПЕРЕКРЕСТОК КУЛЬТУР
RUSSIA
ORENBURG –
INTERSECTION OF CULTURES
- 72** **ХРОНОГРАФ**
СМЕХ СКВОЗЬ СЛЕЗЫ
CHRONOGRAPH
SMILING THROUGH TEARS
- 76** **БУДКА СУФЛЕРА**
PROMPT CORNER

Колонка редактора

Editor's column

Когда там. Nar da da

Когда теряешь друзей, а мир раскалывается на своих и «ксеносов», когда, садясь перед ТВ, ты оказываешься в «театре Манджафоко», когда новости в ленте призывают «а что ты?», важно следовать выбранному лично маршруту, продолжать то, что делаешь, сохраняя равновесие в меняющемся мире. Твое творчество – твоё «воображение, преобразование и память» – способны влиять на мир, как считают организаторы последней Пражской квадриеннале. Ценно это. Не было бы этой светлой веры, не было бы много чего. Именно в творчестве, в этом тотальном театре сумасшедших, ты точно знаешь, что круг круглый, а небо голубое. Что есть на свете действительно родственные души, а туганлык на то и туганлык, чтобы не забывать знакомый с детства запах уральского хлеба и встречаться то в одном городе, то южнее.

Альфира АРСЛАНОВА,
главред журнала МИТ-инфо

When there. Nar da da

When you lose your friends, and the world breaks down on your own and xenos, when sitting down in front of TV, you find yourself in the Mangiafuoco theatre, when news in the tape make you think “but what about you?”, the main thing is to follow the chosen route, continue what you do, keeping your own balance in a changing world. Your creativity, your “imagination, transformation and memory” is capable of influencing the world, according to the organizers of the last Prague Quadrennial. This is valuable. There would not be this faith, there would not be much. In creativity, in this total “theatre of madmen” you know for sure that the circle is round and the sky is blue. That there are really kin souls in the world, and a Tuganlyk for that is a kinship, so as not to forget the smell of Ural bread familiar from childhood and to meet in this city, then to the south.

Alfira ARSLANOVA,
Editor in Chief of “The ITI info”

“Xenos”

стр. **42**

АКРАМ ХАН В МОСКВЕ.

Автор послания к Международному дню танца 2009 года – хедлайнер Чеховского фестиваля.

AKRAM KHAN IN MOSCOW. The author of the Message for International Dance Day 2009 is the headliner of the Chekhov Festival.

Читайте в номере

стр. **28**

стр. **62**

стр. **18**

НОВАЯ ОПЕРА НА СЕВЕРНОЙ СЦЕНЕ. Впечатления о проектах Nar da da для детей и комикс-опере А (Альфа) в тексте Кристины Матвиенко.

NEW OPERA ON THE NORTHERN STAGE. Impressions of the projects Nar da da for children and the comic opera A (Alpha) in the text of Kristina Matvienko

стр. **24**

«Моя эстонская бабушка»

ПОЕХАЛИ В ЭСТОНИЮ

Центр им. Мейерхольтца запускает новый фестиваль POEHALi!, который имеет подзаголовок «гастрольный» и ставит своей целью устроить обмен спектаклями с независимыми театрами мира. Первой ласточкой станет эстонский независимый театральный центр VABA LAVA из Таллина, который представит три своих спектакля с 3 по 6 ноября. Его создал продюсер Мярт Меос для объединения независимых театров страны. В афишу фестиваля вошли документальный спектакль российской актрисы с эстонскими корнями Юлии Ауг «Моя эстонская бабушка» (совместный проект театра R.A.A.A.M. и театрального центра Vaba Lava), работа Дмитрия Егорова «Транзит. Остановите музыку» (документальный спектакль о влиянии эстонской советской социалистической республики на развитие современной музыки в СССР), а также постановка Сергея Потапова «Оборотень» по пьесе эстонского классика Аугуста Кицберга.

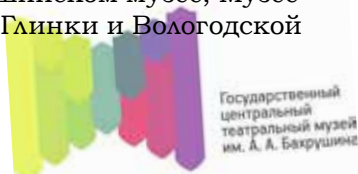
«My Estonian Grandmother»

LET'S GO TO ESTONIA

The Meyerhold Centre launches the new festival POEHALi!, which has the subtitle “touring” and aims to facilitate an exchange of performances among independent theatres in the world. The first to go will be the Estonian independent theatre centre VABA LAVA from Tallinn, which will present its three performances from November 3 to 6. It was created by producer Märt Meos to unite the country’s independent theatres. The festival includes a documentary performance by Julia Aug, Russian actress with Estonian roots, “My Estonian Grandmother” (a joint project of R.A.A.A.M. Theatre and Vaba Lava Theatre Centre), by Dmitry Egorov, “Transit. Stop the music” is a documentary about the influence of the Estonian Soviet socialist republic on development of modern music in the USSR, as well as the production of “Werewolf” by Sergei Potapov based on the play by the Estonian classic August Kitsberg.

СВЕТОТЕНИ ТЕАТРА

В ГЦТМ им. Бахрушина проходит выставка работ художника-сценографа, главного художника Ростовского музыкального театра, лауреата «Золотой маски» и «Пражской Квадриеннале» Степана Зограбяна «Черно-белый театр». В нее входит около восьмидесяти авторских работ, поделенных на десять серий: «Драма. Персонажи», «Опера. Персонажи», «Балет «1001 ночь», «Мольер. Куклы», «Кумиры XX века», «Театр Зимы», «Классики. Фото, Ч/Б», «Корабли-фантомы», «Рим. Венеция», «Ч/Б сюжеты». Произведения выполнены в различных техниках: тушь, черная и белая гуашь, тушь-перо, итальянский карандаш, смешанная техника. Многие работы Зограбяна хранятся в частных коллекциях России и Европы, а также в Бахрушинском музее, Музее музыкальной культуры им. Глинки и Вологодской картинной галерее.

Государственный
центральный музей
им. А. А. Бахрушина

CHIAROSCURO THEATRE

The Bakhrushin museum hosts an exhibition of works by the stage designer, chief artist of the Rostov Musical Theatre, the winner of the Golden Mask and the Prague Quadrennial Stepan Zohrabyan, Black and White Theatre. It includes about eighty works of art, divided into ten series: “Drama. Characters “,” Opera. Characters “,” Ballet “1001 Nights”, “Moliere. Dolls”, “Idols of the 20th Century”, “Winter Theatre”, “Classics. Photo, B/W “,” Phantom Ships “,” Rome. Venice”, “B/W plots”. The works are made in various techniques: ink, black and white gouache, ink pen, Italian pencil, mixed media. Many of Zohrabyan’s works are kept in private collections in Russia and Europe, as well as in the Bakhrushinsky Museum and the Museum of Musical Culture named after Glinka and the Vologda art gallery.

НУЖНЫ НОВЫЕ ФОРМЫ

Российский молодежный театр через год отметит свое столетие – самый возраст для поиска новых форм. Именно так и будет называться новая междисциплинарная Лаборатория РАМТ по поиску новых форм коммуникации с детьми и подростками. Ее задачи – создать то, чего еще никогда не было, а вот ограничений нет никаких – ни возрастных, ни цеховых, ни жанровых. Клич брошен для представителей всех театральных профессий, но приветствуется участие и театральных любителей. Потенциальный участник должен представлять себе возраст предполагаемой аудитории, пространство, которым располагает РАМТ, и количество участников, а самую идею – изложить на двух страницах. Заявки принимались до 30 сентября, а результаты того, чего еще никогда не было, обещают показать в декабре.

МИРОВЫЕ ЮБИЛЕИ

Два крупнейших партнера Международного института театра – Международный Музыкальный совет International Music Council IMC-CIM и Международный Союз кукольников Union Internationale de la Marionnette – отмечают в этом году свои юбилеи: первому исполняется семьдесят лет, второму девяносто. Первый юбилей будет широко отмечаться по всему миру 1 октября, в Международный день музыки. Второму посвящен X «Образцовфест», который пройдет в Москве с 5 по 19 октября и соберет 20 спектаклей из 17 кукольных театров, представляющих 11 стран – Бразилии, Индии, Франции, Канады, Китая, Кении, Испании, Венгрии, Греции, ЮАР и России.

ТЕАТР ПРОТИВ МУСОРА

«Иди с миром» – так называется международный документальный спектакль об истории и философии утилизации мусора, работа над которым началась в Ельцин-центре при поддержке Израильского посольства в РФ, театра DEAMATER и Ассоциации артистов Сардинии. Авторы идеи и режиссеры – российская итальянка Алессандра Джунтини (она была инициатором такого спектакля), итальянец Николо Колумбано

и израильтянин Яэль Биголь-Цитрон. В спектакле примут участие не только профессиональные актеры, но и сто жителей Екатеринбурга. Антимусорный спектакль сначала должен был называться «Целлофановое море», ведь общие моря и океаны омывают даже самые чистые страны. Но реальность предложила им столько материала, что концепцию спектакля пришлось расширить.

NEED NEW FORMS

The Russian Youth Theatre (RAMT) will celebrate the hundredth anniversary this year – just about time to start the search for new forms. RAMT set up the laboratory for search for new forms of communication with children and adolescents. Its aim is to create something that has never happened before. The experiment has no restrictions nor age nor genre. All theatre professionals and amateurs can take part. A potential participant should consider age of the intended audience, RAMT's space and the quantity participants. The idea should be presented on two pages. Applications are accepted until September 30, and the results will be released in December.

WORLD ANNIVERSARIES

The two largest partners of the International Theatre Institute – the International Music Council IMC-CIM and the Internationale de la Marionnette – celebrate their anniversaries this year: the first is seventy years old, the second is ninety. The first anniversary will be widely celebrated around the world on October 1, International Music Day. The second is devoted to X «Образцовфест», which will be held in Moscow from October 5 to 19 and will collect 20 performances from 17 puppet theatres representing 11 countries – Brazil, India, France, Canada, China, Kenya, Spain, Hungary, Greece, South Africa and Russia.

THEATRE AGAINST GARBAGE

“Go in peace” is the name of the international documentary about the history and philosophy of garbage disposal, work on which began at the Yeltsin Centre with the support of the Israeli Embassy in Russia, the DEAMATER Theatre and the Association of Artists of

Sardinia. Authors of the idea and directors are Russian Italian Alessandra Giuntini (she was the initiator of such a performance), Italian Nicolo Columbano and Israeli Yael Bigol-Citron. The performance will bring together not only professional actors, but also a hundred residents of Yekaterinburg. The anti-trash performance was first called “Cellophane Sea”, because even the cleanest countries are surrounded by the same seas and oceans. But reality offered them so much material that the concept of the performance had to be expanded.

КРИТИК МЕНЯЕТ ПРОФЕССИЮ

В Высшей школе сценических искусств открылся принципиально новый факультет «Театроведение и драматургия»

под руководством театроведа Павла Руднева (на фото) и драматурга Михаила Дурненкова. Его выпускники могут найти себя в самых разных профессиях (или, скорее, их совмещении) – театрального критика, театроведа, инсценировщика, драматурга, завлита, руководителя или куратора самых разных театральных проектов. «Мы бы хотели, чтобы на едином курсе «Театроведение и драматургия» сочетались театральные критики с журналистской хваткой; театроведы с учеными интересами; драматурги с желанием писать для современной сцены; будущие завлиты театров, ответственные за профессиональное общение с драматургами; театроведы с проектным мышлением», – говорят авторы новой образовательной программы.

Таня Вайднер

ГОРОДУ И ТЕАТРУ

Немецкий город Мюнстер, где был заключен Вестфальский мир, является побратимом английского Йорка, французского Орлеана, норвежского Кристиансанда, тунисского Монастина, израильского Ришона-ле-Циона, американского Фресно, польского Люблина, а также российской Рязани. Тридцатилетие дружбы широко отмечалось в этом городе с тысячелетней историей немецкой земли Северный Рейн-Вестфалия. Но праздничными концертами и обменом подарками дело не ограничилось – этой осенью Рязанский театр драмы выпускает премьеру «Доброго человека из Сычуани», над которой работает немецкая постановочная группа (режиссер Таня Вайднер и художница Аннетт Вольф) и артисты театра. Но еще раньше, 27 сентября, Рязанская драма выпускает другую премьеру, также ставшую международным проектом – «Переплыть море» по сказке Карло Коллоди «Пиноккио». С русскими актерами будет работать постановочная группа из Италии: режиссер – Луиза Гуарро, художник по свету – Паскуале Суммонте. Луиза Гуарро уже знакома рязанскому зрителю по спектаклям, которые она представляла на международном фестивале «Свидания на Театральной»: «Король ухмыляется» в 2017 году и «Хлеб. История любви во время войны» в 2018.

ТЕОДОР КУРЕНТЗИС ПЕРЕБРАЛСЯ В ПЕТЕРБУРГ

С нового сезона знаменитый дирижер Теодор Курентзис, покинувший пост худрука Пермского театра оперы и балета, и возглавляемый им оркестр MusicAeterna будут работать в Санкт-Петербурге, где Курентзис когда-то учился у великого Ильи Мусина. Их постоянной базой станет легендарный Дом радио. Теодор Курентзис заявил, что намерен участвовать в процессе сохранения и оцифровки «Золотого фонда» Дома радио, воссоздания его уникальной атмосферы (и, в частности, студии, где записывала свои легендарные блокадные передачи Ольга Берггольц). Курентзис оставил в Перми и «Дягилевский фестиваль» – театральный форум под этим названием в дальнейшем будет проходит без его участия. А сам он вместе с оркестром собирается

проводить в Париже фестиваль – под другим названием, в котором, однако, останется имя великого импресарио.

CRITIC CHANGES PROFESSION

At the Higher School of Performing Arts, a fundamentally new faculty of Theatre Studies and Dramaturgy has opened under the supervision of theatre critic Pavel Rudnev and

playwright Mikhail Durnenkov (see photo). Its graduates can find themselves in a wide variety of professions (or rather, combining them) – theatre critic, theatre expert, stage designer, playwright, entranced, director or curator of various theatre projects. “We would like the theatre critics and journalist skills to be combined in a single course on Theatre Studies and Drama”; theatre experts with scientific interests; playwrights with the desire to write for the contemporary stage; the future heads of theatre literature departments responsible for professional communication with playwrights; theatre experts with project thinking” claim the authors of the new educational program.

Annette Wolf

CITY AND THEATRE

The German city of Munster, where the Peace of Westphalia was concluded, is the twin city of English York, French Orleans, Norwegian Kristiansand, Tunisian Monastin, Israeli Rishon Lezion, American Fresno, Polish Lublin, as well as Russian Ryazan. Thirty years of friendship have been widely celebrated in this city with a thousand-year history of the German state of North Rhine-Westphalia. But the matter was not limited to holiday concerts and gift exchange – this fall the Ryazan Drama Theatre is going to release the premiere of “The Good Man from Sichuan”, which is produced by a German production group (director Tanya Weidner and artist Annette Wolf). But even earlier. On September 27, the Ryazan drama releases another premiere, also an international project – “Cross the Sea” based on Carlo Collodi’s fairy tale “Pinocchio”. A production group from Italy will work with Russian actors: director – Louise Guarro, lighting designer – Pasquale Summonte. Louise Guarro is already familiar to the Ryazan audience from the performances she presented at international festival “Date at the Theatre”: “The King smirks” in 2017 and “Bread. A love story during the war” in 2018.

THEODORE CURRENTZIS MOVED TO ST. PETERSBURG

Starting from the new season, the famous conductor Theodor Currentzis,

who left the post of artistic director of the Perm Opera and Ballet Theatre, and the MusicAeterna orchestra will work in St. Petersburg, where Currentzis once studied with the great Ilya Musin. Their permanent base will be the legendary Radio House. Theodor Currentzis stated that he intends to participate in the process of preserving and digitizing the “Golden Fund” of the Radio House, re-creating its unique atmosphere (and in particular, the studio where Olga Berggoltz recorded her legendary blockade programs). Currentzis also left the Diaghilev Festival in Perm – a theatre forum under this name will continue to be held without his participation. And he himself, together with the orchestra, will hold a festival in Paris – under a different name, which, however, will contain the name of the great impresario.

Ушел из жизни Марк Захаров

Последней неоконченной работой Марка Захарова стала постановка спектакля «Капкан» – вольное сочинение по произведениям Владимира Сорокина, фантазиям самого режиссера и документальным источникам, где герои путешествуют во времени, попадают с итальянского побережья прямиком в кабинет Сталина (а у того, в свою очередь, появляется Двойник), из тридцатых годов прошлого века – в двухтысячные. Это вторая инсценировка Сорокина (после «Дня опричника») – его стилистические игры и парадоксальные точные пророчества оказались сегодня нужны Захарову, который, как хороший барометр, «падал» и «рос», предвосхищая будущее и помня родство с прошлым. Он очень хотел выпустить эту премьеру, на которую уже продаются билеты, но 28 сентября его не стало.

Его путь к успеху был не то чтобы очень длинным, но совсем не логичным. Марк Захаров не проснулся знаменитым после какой-нибудь роли, окончив актерский факультет ГИТИСа. А равно наоборот – отправился по распределению в Пермь, шутя, что в Москве им заинтересовался только цирковой коллектив («хорошо кувыркался и фехтовал»). Вместе с Захаровым в Пермь уехала его сокурсница, Нина Лапшинова, и родился один из самых трогательных союзов в нашем искусстве («мы наконец-то поставили государство в известность о наших отношениях»). Захаров всегда подчеркивал, как важно, кто находится рядом с его артистом («может быть, важнее всего»). Именно жена убедила его вернуться в Москву, заниматься режиссурой... Их дочь Александру принимал в театр художественный совет, точно стремясь восстановить справедливость: этот худрук даже не взял в театр свою жену! И театр получил яркую, бесстрашную актрису.

На московский театральный Олимп он взбежал как будто по тайной боковой лестнице. Сначала был Студенческий театр МГУ (где поставил «Дракона» Шварца, «Карьеру Артуро Уи» Брехта и «Хочу быть честным» Войновича).

Потом – два спектакля, память о которых жива до сих пор, хотя сами спектакли прожили совсем чуть-чуть и были закрыты за неблагонадежность – «Разгром» в Театре им. Маяковского и «Доходное место» в Театре Сатиры. С этим «сомнительным» багажом Марк Захаров возглавил один из самых неблагополучных театров Москвы – этот счастливый союз в три раза превысил срок, который отпустил Немирович-Данченко живому театральному организму.

Он собирал свою труппу, как Ноев ковчег, делая ставку не на эстетическое родство и одну «группу крови», а на актерскую уникальность, особость. Поэтому ни в какое прокрустово ложе одного стиля не уложить стиль захаровского «Ленкома». Рок и молитва, танец и плакат, великолепные театральные метафоры и прямые обращения к залу, исторические сюжеты и их пугающая актуальность, абсурд и балаган, эзопов язык и публицистичность, взрывы фейерверков и плач кларнета, лицедейство и исповедальность, пощечины общественной морали и настоящая окрыленность, которая запоминается навсегда. «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты», «Легенда о Тиле», «Юнона и Авось», «Оптимистическая трагедия», «Поминальная молитва», «Вор», «Жестокие игры», «Школа для эмигрантов», «Синие кони на красной траве», «Иванов», «Три девушки в голубом», «Мудрец», «Ва-банк», «Королевские игры» – у каждого театрала сложится своя ленкомовская мозаика самых сильных театральных впечатлений в зависимости от возраста и степени везучести. И уж точно вне зави-

Формула ЛЮБВИ

Фото: Александр Стернин

Фото: Александр Стернин

Formula of Love

Mark Zakharov passed away

Марк Захаров, Андрей Миронов
и Александр Ширвиндт

симости от возраста и везучести нам остались его фильмы, театральные философские притчи, формулы любви и свободы. Театр Марка Захарова этакой лупой собирал солнечные лучи музыки, поэзии, драйва, риска, точно выраженной мысли и зажигал маленькие костры в сердцах своих зрителей. Он не был диссидентом, «смирненно» принимал от разных властей хулу и похвалу, награды и даже автомобили «Лада» (всякое бывало). Но в сотнях мизансцен и фраз из его спектаклей осталась формула эстетического сопротивления любой косности, жестокости и диктатуре. Формула театра. Формула любви.

Его боготворили артисты и обожали журналисты. Мудрый, ироничный, парадоксальный, способный и на гнев, и на нежность, вежливый, как университетский профессор позапрошлого века (к самому молодому актеру из массовки он обращался как к равному, неизменно по имени-отчеству, которые никогда не забывал), абсолютно демократичный и при этом всегда отдельный, он был уникальным собеседником. Соглашаясь (как правило, соглашаясь) на длинные интервью или на блиц-ответы, он ошарашивал их узко профессиональным вопросом «а сколько знаков вам нужно?» и лихо укладывался с любыми темами в любой объем, с ходу преподавая

работникам пера великолепный урок соответствия формы и содержания.

За счастливый дар, за славу, за модность, за обожание Марк Захаров заплатил какую-то страшную, мистическую цену – терять своих до срока. Того, кто защищал спину, кто был Словом «Ленкома», кто имел право на любую критику, как шут при короле – драматурга Григория Горина. Того, кто создавал самоигральную красоту ленкомовской сцены – художника Олега Шейнциса. Своего Плужникова, Ланцелота, Хоакина Мурьетту – Александра Абдулова. Своего Тиля, Резанова, Меншикова – Николая Караченцова. Своего Дракона, Волшебника, Мюнхгаузена – Олега Янковского. Своих великих стариков – Татьяну Пельцер, Евгения Леонова, Леонида Броневского. Свою вторую половину – Нину Лапшинову... С каждым таким ударом все понимали, что ни Захаров, ни его «Ленком» не будет прежним, когда теряются такие частички общей души. Понимал и сам Захаров, но уныние – кажется, последнее, что мог бы себе позволить этот рыцарь печального образа без страха и упрека. Его театр старел как красивый старик, окружая себя молодыми актерами, живо интересуясь всем новым, искренне болея за происходящее, продолжая рассказывать свои горькие и яркие сказки – добрым молодцам урок. Теперь, когда труппа легендарного «Ленкома» почти в полном составе вновь собралась в «той стране, откуда ни один не возвращался», когда ее капитан вновь встал там у руля (сел за режиссерский столик), у земного «Ленкома» начнется другая история. Марк Захаров не оставил преемника, но выучил множество учеников, несущих атом ленкомовского солнца. Да что там учеников – он остался у всех нас.

Марк Захаров с семьей

Фото из семейного архива

Photo by Alexander Stermin

The last unfinished work of Mark Zakharov was the play “Trap” – the piece was a mixture of the works of Vladimir Sorokin, director’s fantasy and documentary sources where the characters travel in time while on the Italian coast. They find themselves in Stalin’s study (who turns out to have a double), from the thirties of the last century – into the twenty first century. This is Sorokin’s second play (after “The Day of the Oprichnik”) – his stylistic games and accurate prophecies were very special for Zakharov, who, like a good barometer, “fell” and “grew”, anticipating the future and cherishing the relationship with the past. He really wanted to release this premiere, and already started selling tickets, but on the September 28 he passed away

His path to success was not so long, but not logical at all. After he graduated from GITIS there was not a role that made Mark Zakharov wake up famous. And on the contrary, he was assigned to go to Perm, joking that in Moscow only the circus group became interested in him (“he tumbled and fenced well”). Together with Zakharov, his classmate, Nina Lapshinova, went to Perm and one of the most moving, strongest and absolutely stellar unions in our art was born (“we finally informed the state of our relations”). Zakharov has always

emphasized how important it is who is next to his artist (“perhaps most importantly”). It was his wife who persuaded him to return to Moscow, to direct ... Their daughter Alexandra was admitted to the theatre by the art council, as if trying to restore justice: this artistic director did not even take his wife to the theatre! And the theatre received a bright, fearless actress.

It was as if he had run up to the Moscow theatre Olympus through a secret side staircase – through the Moscow State University Student Theatre, where he staged Schwarz’s “Dragon”, “Arturo Wu’s Career” by Brecht and “I want to be honest” by Voinovich, other two performances, the memory of which is still alive, although the performances themselves lived quite a short life and were closed as they were considered unreliable – “rout” in the Mayakovsky Theatre and “Profitable Place” in the Satire Theatre. With this “dubious” baggage, Mark Zakharov headed one of the most dysfunctional theatres in Moscow – this happy union three times exceeded the deadline that Nemirovich-Danchenko predicted to a live theatre.

He assembled his troupe, like Noah’s ark, relying not on aesthetic kinship and one “blood type”, but on acting uniqueness, specialty. Therefore, in no Procrustean bed of the same style does not fit the style of Zakharovsky “Lenkom”. Rock and prayer, dance and poster, magnificent theatrical metaphors and direct appeals

to the audience, historical plots and their frightening relevance, absurdity and a farce, Aesopian language and journalism, explosions of fireworks and the cry of clarinet, hypocrisy and confession, slaps of public morality and real inspiration, which is remembered forever. “The star and death of Joaquin Murieta”, “The Legend of Thiel”, “Juno and Avos”, “Optimistic tragedy”, “Memorial prayer”, “Thief”, “Cruel games”, “Blue horses on red grass”, “Ivanov”, “Three girls in blue”, “Sage”, “All-in”, “Royal games” – each theatre-goer will have their own Lenkomian mosaic of the most powerful theatrical impressions depending on age and degree of luck. And certainly, regardless of age and luck, we still have his films, theatrical philosophical parables, formulas of love and freedom. Mark Zakharov’s theatre, with a magnifying glass, gathered the sun’s rays of music, poetry, drive, risk, precisely expressed thought and lit small bonfires in the hearts of its audience. He was not a dissident, “humbly” accepted blasphemy and praise from various authorities, awards and even Lada cars (everything happened). But in hundreds of mise-en-scenes and phrases from his performances, the formula of aesthetic resistance of any inertness, cruelty and dictatorship remained. The formula of the theatre. Formula of Love.

He was worshiped by artists and adored by journalists. Wise, ironic, paradoxical, capable of both anger and tenderness, polite, like a university professor of the century before last (he addressed the youngest actor from the crowd as an equal, always by his full name, which he never forgot), absolutely democratic and while always separate, he was a unique conversationalist. Agreeing (most of the time) to long interviews or to blitz-answers, he dumbfounded them with a narrowly professional question: “How many characters do you need?” And he dashingly fit into any volume with any topics, immediately teaching the pen workers a great lesson in form matching and content.

For a happy gift, for fame, for fashion, for adoration, Mark Zakharov paid some terrible, mystical price – to lose his friends before the right time. The one who defended his back, who was the Word of Lenkom, who had the right to any criticism, like a jester under the king – playwright Grigory Gorin. The one who created the self-playing beauty of the Lenkom scene – the

Mark Zakharov and Alexander Shirvindt

artist Oleg Sheintsis. His Pluzhnikov, Lancelot, Joaquin Muretta – Alexander Abdulov. His Til, Rezanov, Menshikov – Nikolai Karachentsov. His Dragon, Wizard, Munchausen – Oleg Yankovsky. His great old men – Tatyana Peltzer, Evgeny Leonov, Leonid Bronevoy. Their second half – Nina Lapshinova ... With each such blow, everyone understood that neither Zakharov, nor his Lenkom would be the same when such particles of a common soul are lost. Zakharov himself understood, but despondency seems to be the last thing this knight could afford a sad image without fear and reproach. His theatre was aging like a handsome old man, surrounding himself with young actors, keenly interested in everything new, sincerely rooting for what was happening, continuing to tell his bitter and vivid tales – a lesson for good fellows. Now that the troupe of the legendary Lenkom has almost completely reunited in “the country from which no one has returned”, when its captain again took the helm there (sat at the director’s table), another story will begin at the earthly Lenkom. Mark Zakharov did not leave a successor, but taught many students to carry the atom of the Lenkom sun. Not only students – all of us possess particles of this atoms in our hearts.

Mark Zakharov and Andrey Mironov

Photo by I. Gnevashev

IQ ДЛЯ PQ

В ИЮНЕ В ПРАГЕ ПРОШЛА XIV ПРАЖСКАЯ КВАДРИЕННАЛЕ — КРУПНЕЙШИЙ МИРОВОЙ СМОТР СЦЕНОГРАФИИ, ТЕАТРАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЫ И ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ИДЕЙ, КОТОРАЯ ДАВНО УЖЕ СТАЛА МЕСТОМ ПАЛОМНИЧЕСТВА НЕ ТОЛЬКО СПЕЦИАЛИСТОВ, НО И ШИРОКОЙ ПУБЛИКИ.

Для участия в перформансах, публичных разговорах, презентациях, мастер-классах и лабораториях (всего свыше 600 событий) были отобраны студенты из 79 стран (для участия было подано свыше 17000 заявок). Тема квадриеннале — «Золотая Трига» (скульптура богини Ники в колеснице с тремя лошадьми, украшающая Национальный театр, символизирует соединение многих талантов в создании театрального искусства). Она же — метафора трех состояний человеческой жизни — юности, зрелости и «возраста мудрости» (как сформулировали организаторы квадриеннале), и трех составляющих творчества — воображения, преобразования и памяти.

Выставочное пространство Пражской квадриеннале включало в себя несколько важных экспозиций. Главная из них — Выставка стран и регионов, которая проходит на каждом форуме, начиная с 1967 года. Она собирается при помощи кураторов из 70 стран и регионов, помогающих отобрать лучшее, что случилось в области сценографии за последние годы. Пражская квадриеннале — «безотходное производство», в чем можно убедиться на выставке фрагментов (моделей, рисунков, костюмов и других дизайнерских работ), которые остаются после того, как шоу, перформанс или экспозиция завершились. Ну а за самыми завиральными, утопическими и бесстрашными идеями будущей сценографии мира следует отправляться на Студенческую выставку. И, наконец, четвертая и очень важная составляющая квадриеннале — Выставка пространства перформанса — кладезь идей, как можно превратить в театр любое пространство.

Россию на Пражской квадриеннале в этом году представляла команда молодых художников Марии Павленко и Ники Дундуа с «Объединенными игровыми площадками» — серией проектов, воплощающих в жизнь мечту о тотальном театре и призванных стереть границу между театром и повседневностью. Они входят в Арт-группу, которая образовалась в 2016 году в Британской Высшей школе дизайна, где «проверялись на прочность» границы между театром, современным искусством, психологией, медиа и современными технологиями. Им мало культурно-развлекательной функции театра — они видят в этом виде искусства своего рода «санитара» общества, который способен предотвращать назревающие проблемы и кризисы.

Кроме того, Россию представлял и Александр Шишкин (в этом году он участвовал также в Венецианской биеннале) с проектом «Театр сумасшедшего». «Это что-то вроде Дантова леса, в котором художники балансируют на грани адекватности, маргинальности и гениальности», — так определяет свой проект сам художник, который позаимствовал у великого японского художника Накадзима Тамэкадзу один из тридцати его псевдонимов — Хокусай. Александр Шишкин-Хокусай сотрудничает с МХТ им. А. П. Чехова, РАМТом, «Сатириконом», МАМТом им.

Проект SimorÁg DanCircus u Firebirds Productions «The Flock Project» (Венгрия)

Инсталляция New Theatre Institute «Z R w h d Z» (Латвия)

Россия

Станиславского и Немировича-Данченко в Москве, Александринским театром, БДТ им. Г.А.Товстоногова, Театром им. Ленсовета в Санкт-Петербурге и является постоянным соавтором режиссеров Андрея Могучего и Юрия Бутусова. А своим любимым материалом называет фанеру.

Международное жюри под председательством Кейт Бейли отправила главный приз – «Золотую тригу» – в Республику Северная Македония за выставку «Этот дом рассказывает правдиво», которая показывала, как влияет на перфор-

манс выставочное пространство, как с помощью дизайна можно рассказать историю, а сценография становится смелым активизмом внутри политического контекста. Три проекта получили награду в разделе Выставка стран и регионов: «Ожидаемые акции (Каталония 2004–2018)» из Каталонии (попытка увидеть в сценографии саботаж, политическую акцию, революцию), «Бесконечная дюна» из Венгрии (апокалиптический метеорологический проект) и «Микрокосм» из Франции (инсталляция). В студенческом конкурсе были отмечены представители Грузии («Медея», основанная на коллективной и личной памяти), Финляндии («Kolo», которую трудно назвать инсталляцией, так как ее «объектами» стали маленькие животные, их норки и ходы в пещере, а темой – потребность в новой близости) и Тайваня («Меняющаяся комната», воспроизводящая полный цикл производства окружающей среды).

В других частных номинациях были награждены представители Латвии, Чили, Италии, Чехии, Филиппин, Мексики, Хорватии, Китая, Австралии, Дании, США и Германии.

Проект Gogi Alexi-Meskhishvili Design School «MEDEA / MEDIA» (Грузия)

IQ for PQ

ON JUNE THE 14TH EDITION OF THE PRAGUE QUADRENNIAL WAS HELD IN PRAGUE; THE WORLD'S LARGEST SHOW OF SCENOGRAPHY, THEATRE ARCHITECTURE AND SPACE IDEAS HAS LONG BEEN A PLACE OF PILGRIMAGE FOR NOT ONLY SPECIALISTS, BUT LARGE PUBLIC.

For participation in performances, public conversations, presentations, workshops and laboratories (over 600 events in total), students from 79 countries were selected (over 17,000 applications were submitted for participation). The theme of the Quadrennial is "Golden Triga" (the sculpture of the goddess Nike in a three-horse chariot, which stands proudly on the roof of the National Theatre, symbolizing combination of many talents for creating theatre art). It is the metaphor of three stages of human life — youth, maturity, and the age of wisdom, as the Quadrennial organizers stated, and the three components of creativity — imagination, transformation, and memory.

The exhibition space of the Prague Quadrennial included several important expositions. The main one is the Exhibition of Countries and Regions, which takes place at each Quadrennial since 1967. It is made with the help of curators from 70 countries

Project of Latai Taumoepeau (Australia)

Project of Institut del Teatre/Institut Ramon LLull "Prospective Actions" (Catalunia)

and regions, who help to select the best of what happened in the field of scenography in recent years. The Prague Quadrennial is "waste-free production," as it can be seen at the Exhibition of Fragments that remain after the end of a show, a performance or an exposition. Well, for the most spontaneous, utopian and fearless ideas of the future worldwide scenography one should go to the Student Section. And, finally, the fourth and very important component of the Quadrennial - Exhibition of Performance Space - a storehouse of ideas about how to turn any space into theatre.

Russia at the Prague Quadrennial was presented by young artists Maria Pavlenko and Nicka Dundua of United Playgrounds, a series of projects that translate a dream of a total theatre into real life and designed to erase boundaries between theatre and everyday life. They are part of the Art Group, which was formed in 2016 at the British Higher School of Art and Design.

Also Alexander Shishkin-Hokusai went to Prague from Russia (this year he has also participated in the Venice Biennale) with

the project "Theatre of a Madman", where according to its author, artists balance on the verge of adequacy, marginality and genius. Alexander Shishkin-Hokusai collaborates with Chekhov Moscow Art Theatre, RAMT, Satirikon Theatre in Moscow, Alexandrinsky Theatre, Tovstonogov Bolshoi Drama Theatre, Lensovet Theatre in St. Petersburg and is a permanent co-author of directors Andrei Moguchy and Yuriy Butusov. And his favorite material is plywood.

The international jury chaired by Kate Bailey sent the main prize - "Golden Trigue" to the Republic of Northern Macedonia to the exhibition "This Building Truly Talks". It showed how exhibition space affects on performance, how the story can be told through design, and scenography becomes a bold activism within the political context.

Three projects received an award in the Exhibition of Countries and Regions: Prospective Actions (Catalonia 2004-2018) from Catalonia (attempt to see scenarios as sabotage, political action, revolution), "Endless Dune" from Hungary (apocalyptic

meteorological project) and Microcosm from France (installation by Philippe Quesnay). Representatives of Georgia ("Medea", based on collective and personal memory), Finland ("Kolo", which can be called an installation, as small animals, their minks and passages in the cave, in the dark, were noted in student competitions) and Taiwan ("Changing room", reproducing the full cycle of production of the environment) were awarded in the student competition

Project of Ministerio de las Culturas, las Artes y el Patrimonio, Dirac "Minor Monsters" (Chile)

Фото: Алгирдас Кубайтис

С песней про жизнь

НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОПЕРНОГО ЖАНРА

Кристина МАТВИЕНКО

Опера перебирается с больших классических сцен в лофты, детский театр и другие непривычные места, расширяя или даже меняя свою аудиторию. Элитарность в случае с оперой-комиксом или оперой для детей подвергается сомнению. Две оперы, *Nag da da* (копродукция шведских Kungliga Operan и Helsingborgs stadsteater) и *α (Alfa)* литовской OPEROMANIJA – примеры того, как языком оперы рассказываются необычные сюжеты и как оперу сращивают с другими инструментами театра, чтобы получить третье качество – не укладывающееся в жанровые категории и инновационное.

Литовская продюсерская команда OPEROMANIJA известна проектами, в которых структура оперы и само по себе

пение классического образца накладывались на документальные свидетельства – так было в «Доброго дня!», документальной опере про кассирш супермаркета, певших о своей непростой доле, о своих уехавших за границу детях и о трудностях восточноевропейского капитализма. Авторы «Доброго дня!» – Ругиле Барджукайте, Вайва Грайните и Лайла Лапелите в 2019 году выиграли главный приз Венецианской биеннале за павильон «Солнце и море». Новая вещь – комикс-опера *α (Alfa)* композитора Альбертаса Навицкаса на либретто драматурга Габриелы Лабанаускайте (молодой автор хорошо известна своими пьесами на социальные темы) поставлена режиссером Dr. GoraParasit как череда статичных «картин» на фоне сменяющихся друг друга

комиксов про убийство Лорки и последовавшую за этим событием месть. Спектакль был показан в Клайпедской «культурной фабрике» в рамках Литовского шоукейса-2019. На ярко-желтом язычке сцены – меццо-сопрано Нора Петроченко и баритон Нериус Мацевичюс. У их ног ползает женщина-кошка Ева Савицкайте, а сбоку сидят трое музыкантов: Пранас Кентра (гитара), Адне Римгайлайте (аккордеон) и Игнас Юзокас (электроника).

Главный аттракцион спектакля заключается в том, что двое певцов с классическими голосами поют арии, написанные современным композитором, одеты они в латексные костюмы, а фоном являются брутальные, сардонические и эротические комикс-картинки. Нарратив, который мы считываем из череды комиксов, накладывается на пение, и получается объемная картинка, в которой один пласт парадоксальным образом отражает другой, визуальное спотыкается об аудиальное, патетика пения – о скабрзность картинки. *α (Alfa)* – это упругое, острое сочинение, в котором уловлен нерв времени, с его вибрированием между реальным и виртуальным и постоянным скольжением между смешным и страшным.

Опера для детей «*Nag da da*», показанная на шведской биеннале театрального искусства в Сундсвале, написана композитором Никласом Броммаре. Сложную атональную музыку воплотили на сцене режиссер Маттиас Бомом и Пия Линденбаум (либретто, костюмы и сценография); собственно, в статьях о спектакле выделяется фигура именно Линденбаум – это не первый ее успех на ниве нетрадиционного оперного спектакля. Исполняют оперу музыканты Королевского шведского и симфонического оркестров. Это масштабное действие легко расположилось на огромной сцене местного концертного центра в тысячу с лишним мест, но организовано оно при этом с невероятно милым, по-детски наивным и очень красивым, не пафосным, уютом. Перед нами – квартира, где живет маленькая девочка, вечно ожидающая, когда ее отец наконец выполнит свое обещание и отвезет ее к бабушке. На сцене – огромное кресло, напичканное игрушками шкафы, оживающие собачка и обезьянка, наконец, множась на нескольких похожих девочек героиня, которая вдруг проваливается в иную реальность – потому что насто-

ящая, где папа все время обманывает, ее не устраивает. Пия Линденбаум сочинила историю, похожую на истории всех детей сразу – детей, которые ждут родителей с работы, верят обещаниям и нуждаются в любви и присутствии. В спектакле есть элементы современного танца, есть драматические сцены, есть пение и есть остроумная игра с предметами, изменением их привычных размеров и объемов. Сама игра трех девочек, альтер эго главной героини, сделана именно что по подобию реальной детской игры, в которой нет притворства и тюзовского наигрыша, но есть попытка проникнуть туда, где дети остаются сами собой. «*Nag da da*» – еще и пример замечательно придуманной среды, с огромными колготками, которые здесь вешают сушиться на веревку, с разноцветными одежками героинь, с альпийским снаряжением, в котором наконец появляется долгожданный щеголь-отец. Оркестр же сидит на возвышении и деликатно, интимно и разнообразно аккомпанирует разворачивающейся истории. Точнее говоря – здесь все друг другу аккомпанирует, живой актерский план – движению, танец – голосу, игра в куклы – разборкам с отцом. Замечательная детская опера по факту оказывается оперой для всех и про всех, сложным языком искусства рассказывая сложной вещи о взрослых тоже.

Сегодняшние театральные художники свободно и очень интересно заступают на пограничные территории; но в случае с современной оперой мы получаем какой-то очень особый, причудливый и крайне интересный сплав. Как если бы кто-то баловался с «высоким» жанром и неожиданно для всех превращал его в чудесный элемент невиданного раньше целого. В этом смысле у таких «браков» – интереснейшее будущее.

Фото: Алгирдас Кубайтис

Photo by Algirdas Kubaitis

With a Song Through Life

NEW ADVENTURES OF THE OPERA GENRE IN THE REVIEW OF CHRISTINA MATVIENKO

Opera is drifting from large classical stages to lofts, children's theatre and other unusual places, expanding or even changing its audience. Comic book opera or kids opera puts the notion of elitism in question. Two operas, *Nar da da* (co-production of Swedish Kungliga Operan and Helsingborgs stadsteater) and *α* (Alfa) Lithuanian OPEROMANIJA are examples of how unusual stories are told through the language of opera. It is an example of how opera is hybridized with other theatrical instruments in order to obtain the third quality, which does not fit in any genre categories.

Lithuanian production team OPEROMANIJA is well known for the projects that connect opera structure, classical singing and documentary

evidence. This was evident in "Have a Good Day!" – a documentary opera about mall cashiers that sing about their hard life, about their children who moved overseas and about difficulties of Eastern European capitalism. The authors of "Have a Good Day!" – Vaiva Grainyte, Lina Lapelyte, Rugilė Barzdžiukaitė in 2019 were awarded the main prize of the Venice Biennale for the pavilion "Sun and Sea". Absolute novelty – a comic strip opera *α* (Alfa) by composer Albertas Navickas based on libretto of playwright Gabrielė Labanauskaitė (the young author well known for her plays on social themes) was directed by Dr. GoraParasit as a series of static «pictures» against the background of Lorca murder comic books and the revenge that followed this event. The performance was staged

at Klaipėda «Culture Factory» within the Lithuanian Showcase 2019. On the bright yellow stage mezzo-soprano Nora Petročenko and baritone Nerijus Masevičius. Catwoman Ieva Savickaitė crawls at their feet, and three musicians sit at the side: Pranas Kentra (guitar), Adna Rimgaylaite (accordion) and Ignas Juzokas (electronics).

The performance is very special as two singers with classical voices sing arias written by a modern composer dressed in latex costumes. Classical interaction of actors takes place along side with brutal, sardonic and erotic comic book pictures. The narrative taken from the comic book combined with singing creates a three-dimensional image, where one layer paradoxically reflects another, the visual stumbles on the auditory, the pathos of singing – on the scabrous of the picture. *α* (Alfa) is a resilient, sharp work that managed to capture the nerve of time with its vibration between the real and the virtual, with its indefinable «genre» and the constant slip between the funny and the scary.

Opera for children "Nar da da", performed at the Swedish Biennale of Theatre Arts in Sundsvall, was written by composer Nikolas Brommar. Difficult atonal music was embodied on the stage by director Matthias Bom and Pia Lindenbaum (libretto, costumes and set design). In fact, in the articles about the performance Lindenbaum's figure stands out – this is not her first success in the field of unconventional opera performance. The opera is performed by musicians of the Royal Swedish Symphony Orchestra. This large-scale performance easily fits in the huge stage of the local concert centre with thousand-plus seats. The atmosphere is very cute, childishly naive, comforting.

We find ourselves in the apartment of a little girl. She is waiting for her father to finally fulfil his promise and take her to her grandmother. There is a huge armchair, wardrobe stuffed with toys, a dog and a monkey that revive during the performance, finally the girl splits into several similar girls who suddenly fall into another reality – because she wants to leave the reality where her father is a liar.

Pija Lindenbaum composed a story that is familiar to all kids – waiting for their parents from work, believing their promises and longing for their love and care. In the play there are elements of modern dance, dramatic scenes, singing and a witty game with objects that changes their usual sizes

and volumes. The game of the three girls, the alter ego of the main character, resembles real children's game, where is no room for pretence, but there is an attempt to reach a state where the children are themselves. "Nar-da-da" is also an example of a well-created environment, with huge tights hanging on a rope, colourful clothes, alpine equipment worn by long-awaited dandy. The orchestra is placed right on the stage, above the main action, and delicately, intimately and diversely accompanies the unfolding story. More precisely, all participants accompany each other, drama accompanies dance, dance accompanies voice. Wonderful children's opera in fact turns out to be an opera for everyone and about everyone, with a complex art language that tells a complicated adult story.

Today theatre artists freely step into the border areas, but in case of modern opera, we get some very special, bizarre and extremely interesting fusion. As if someone was indulging in a "high" genre and unexpectedly for everyone turned it into a wonderful element of an unprecedented entity. In this sense, such "marriages" have a most interesting future.

Photo by Algirdas Kubaitis

С точки зрения льва

Ольга ФУКС

СПЕКТАКЛИ АКРАМА ХАНА СТАЛИ ГЛАВНЫМИ ФЕСТИВАЛЬНЫМИ СОБЫТИЯМИ ЭТОГО ЛЕТА В МОСКВЕ И АВИНЬОНЕ. А САМ ОН ПРОЩАЕТСЯ СО ЗРИТЕЛЯМИ — КАК ИСПОЛНИТЕЛЬ КРУПНЫХ СОЛЬНЫХ ПАРТИЙ. НО ОСТАЕТСЯ — КАК ХОРЕОГРАФ.

Ему сорок пять, и он шутит, что теперь вынужден танцевать в одежде, потому что «метаболизм, знаете ли, замедляется», но собирает переполненные залы желающих увидеть его прощальные соло. В 10 лет он уснул на «Лебедином озере». В 19 впервые пришел балетный класс, увидев видеозаписи танцующего Барышникова, и был жестко раскритикован за свои данные. Танцевальный факультет (в Университете Де Монфор в Лестере) выбрал потому, что это была единственная возможность поступить хоть в какой-нибудь вуз (мечта амбициозного отца). А классическую «Жизель» впервые увидел... только когда три руководителя разных театров предложили ему поставить этот балет почти одновременно («пожалуй, хороший балет, стоит посмотреть»).

Вчера

Акрам Хан, уроженец Лондона и бенгалец по происхождению, создатель уникального танцевального стиля — производного от индийского классического танца катхак, возникшего в пятом веке, и современного танца, возникшего в двадцатом, — точно призван был опровергнуть аксиому Киплинга «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись». По иронии судьбы его первой ролью в жизни (в детстве) стала роль Маугли из «Книги джунглей» (Лондонская Академия индийского танца). Можно сразу назвать его первых учителей катхака, танца богов, и модерна, танца людей, — Шри Пратапа Павара (знатока традиций и великого экспериментатора, воспитавшего более 700 танцовщиков) и Анну Терезу де Кеерсмакер, икону стиля. Но сам Акрам Хан признается, что с самого детства невольно соединял две традиции, и, прилежно изучая катхак, копировал всех кумиров западного мира — Чарли Чаплина, Майкла Джексона, Бастера Китона и других. Бросок кобры, прыжок тигра, кружения дервиша, лианы переплетенных рук, перестук босых ног, а главное, огненная страсть Акрама Хана — все это придало пряный и терпкий вкус современному танцу.

Из партнеров Акрама Хана — режиссеров, танцовщиков, художников — можно сложить отдельную «аллею

славы». Сильви Гиллем танцует с ним в «Священных чудовищах»: сначала рыжая этуаль и смуглый тигр исполняли то, что лучше всего умеют, классику балета и катхака, затем соединялись в сложном и изысканном хореографическом диалоге о сути искусства. Через несколько лет она вновь позовет Акрама Хана, чтобы тот в компании с Расселом Малифантом и Матсом Эком сочинил ей соло для финального спектакля. Акрам Хан ставит для Гиллем «Тепне» — магический танец рук в круге света, неистовый настолько, что, кажется, сам производит энергию. С бельгийским танцором и хореографом с марокканскими корнями Сиди Ларби Шеркауи Хан создает абсолютный хит «Ноль градусов», где в танец превращена даже человеческая речь. Жюльетт Бинош пускается с ним во все тяжкие и впервые рискует попробовать себя в роли танцовщицы в остроумном и нежном «In-I» о мужчине и женщине (о чем же еще?). Со знаменитым байлаором (танцовщиком фламенко) Израэлем Галваном он сочиняет «Торобака», где образы священных животных Индии и Испании, коровы и быка, воплощаются через катхак и фламенко. Этот список можно продолжать еще долго.

Еще в 13 лет Акрам Хан попал в интернациональную «Махабхарату» Питера Брука, у которого потом снимется еще и в телеверсии «Гамлета». Тексты «Махабхараты» лягут в основу спектакля «Gnosis», где Акрам Хан и японская танцовщица, певица и перкуссионистка Йоши Сунахата устроят встречу индийского эпоса и традиций кабуки. А «Эхо Махабхараты» (подзаголовков книги стихов Картики Наир,

посвященной периферийным героям эпоса) отзовется в другом спектакле Акрама Хана «Пока львы молчат» (в буквальном переводе – «пока у львов нет историков», пока историю пишут охотники) – танцевальный рассказ о принцессе Амбе, которую похитили и надругались над ней в день ее свадьбы, заставив богов молить о возмездии. «Во многих мифах женские персонажи остаются невоспетыми героинями... Их нерассказанные истории продолжают преследовать меня», – сказал хореограф. Так, от спектакля к спектаклю Акрам Хан становился «историком льва» – историком невоспетых героинь и безымянных героев.

Сегодня

Под знаком Акрама Хана прошли в этом году Чеховский фестиваль («Жизель» Английского национального балета, за которую Акрам Хан получил премию им. Лоуренса Оливье), «Территория» (фестиваль специально начался на два месяца раньше обычного, чтобы показать балет Xenos, где Акрам Хан танцует свою последнюю крупную роль, оставив за собой возможность исполнять небольшие партии) и Авиньонский (на главной сцене во дворе Папского дворца состоялись показы спектакля «Перехитрить дьявола», который осенью привезут в Москву на фестиваль Dance Inversion). В его основу лег древневосточный эпос о Гильгамеше («Поэма о все выдавшем»), который создавался на протяжении полутора тысяч лет (к слову, его хотел поставить Эймунтас Някрошюс, но не успел). Кроме того, в Москве прошел кастинг для постановки новой версии балета «Kaash» («Если бы...») –

«Жизель»

первого крупного балета Акрама Хана, показанного более, чем в 20 странах и удостоенная многих наград. Ну а Английский национальный балет в следующем сезоне представит премьеру нового балета Акрам Хана, героями которого станут Франкенштейн, Войцек и Прометей.

Во многонаселенной «Жизели» и сольном Xenos мир поделен стеной. В «Жизели» она отделяет Отверженных (безликие отпечатки их рук – попытка сдвинуть Стену, обозначить себя) от Знати (почти манекены для вычурных костюмов). В финале в эту стену будет биться, пока не затихнет, Альберт, возлюбленный и предатель Жизели, бог весть зачем сохранивший свою постылую жизнь. В Xenos – это земляной ров, последняя черта между жизнью и смертью. И там, и там классическая музыка Адольфа Адана и Моцарта инкрустирована в новое музыкальное высказывание композитора Винченцо Ламаньи, который присутствовал на всех репетициях, сочиняя спектакль вместе с хореографом.

Вслед за Матсом Эком и другими культовыми хореографами Акрам Хан вступил в диалог с признанным шедевром – романтической «Жизелью». Это не первые попытки переосмыслить классическое наследие в творчестве хореографа. Так, например, в спектакле «iTMOi» (In the Mind of Igor), ставшем своеобразным подношением Игорю Стравинскому и его «Весне священной», Акрам Хан так же оставляет от музыки только одну тему из балета (остальную пишут композиторы Бен Фрост, Нитин Соуни, Джоселин Пук), но стремится воссоздать первоначальный импульс великого балета (Стравинскому он приснился – танцовщица, танцующая до смерти, чтобы вернуть миру весну).

Хореограф признался, что ему хотелось воплотить в Жизели образ сильной женщины, такой, как его мать-феминистка, жена-японка («внешне абсолютно спокойная, а внутри – вулкан»), и шестилетняя дочь («я ее уже боюсь»). Московская публика увидела двух Жизелей – Тамару Роха и Алину Кожакару (Акрам Хан призывал обеих учиться друг у друга. Для себя, если бы выбирал,

выбрал роль Иллариона, влюбленного в Жизель, – его кровавый путь к власти над своими братьями, его выгорание от безнадежной любви, его жалкую гибель от травли виллис). Жизель, мигрантка с фабрики, на которой работают Отверженные, – натура цельная и ясная, не гнет шею перед Знатью, не принимает ее подачек, и в своей решимости идти до конца – до рождения ребенка, до смерти от предательства – становится опасной как для Знати, так и для Отверженных. И гибнет в кольце своих же.

Мигрантки, они же виллисы, танцуют и монотонность станка, и пламя огня, пожирающего Жизель, и хаос жизни, и жесткую диктатуру смерти (во втором акте хореограф поднимает их на пуанты и вручает бамбуковые палки). Жизель, своенравная при жизни, бунтует и после смерти, топчет животы своих новых товарок, так и не родивших детей, и спасая любимого от их жалящих палок. Она опускается на полную стопу, чтобы отвоевать у смерти еще одну встречу, еще одно объятие – и принимает свою судьбу, уводя за собой на безопасное расстояние от Альберта предводительницу виллис – точно самка охотника от детенышей.

Xenos («чужой», «чужестранец» в переводе с греческого, давший корень слову «ксенофобия») – дань памяти почти полумиллионам солдат из колоний, погибших в Первую мировую. Именно эта цифра, вычитанная в одной из газет, обожгла хореографа, который согласился поучаствовать в памятной государственной программе. Он понял, что среди этой гигантской армии могли быть и его предки, и осознал, что на уроках истории тема солдат из колоний почти не поднималась. Они тоже своего рода «львы» в истории «охотников». Его лирическим героем стал танцовщик катхака, безвестный сипай, погибший на чужой войне и легший в чужую землю. Монисто на ногах – привычный элемент костюма в катхаке – звенит здесь кандалами. Под звуки уникального ансамбля для голоса, европейских и индийских инструментов, солдат теряет свой привычный мир, постигает премудрости войны, тянет кабель, налаживает связь, умиляется военным приборам, как ребенок игрушкам, разгуливает по опасной вер-

«Xenos»

шине рва, не ведая, что творит. И вместе с одной из главных музыкальных тем христианского мира – Lacrimosa Моцарта, которая «расползается» в незнакомых звуках – гибнет в известном окопе, расставаясь с жизнью с витальным отчаянием и детским удивлением.

* * *

«Почему танец так важен для людей? Если танцевальную историю можно пересказать словами, если танец не говорит с вами нутром, значит, я где-то ошибся. Танец не имеет ничего общего с логикой – в нем столько неоднозначностей, переносных значений... Расскажу один случай. Дело было в Австралии, в Сиднейской Опере шел мой спектакль. Я жил недалеко, но так устал однажды, что вызвал такси от театра. Такси подъехало, я открыл дверь и... в машину быстро уселась парочка, решившая, что я открыл дверь им. Я был зол, и когда вдруг опустилось стекло и меня спросили: «Ой, а вы случайно не Акрам Хан?» Я брякнул: «Может, да, может, нет». Они поблагодарили меня за спектакль... и уехали. Через пять минут я сел в другую машину. И вдруг понял, что мне просто необходимо позвонить отцу. Никогда особо не звонил, а тут не удержался. Разница во времени между Австралией и Лондоном, кажется, и впрямь большая – в общем, я его разбудил. «Пап, привет! – Чего тебе?» Я замялся. «У тебя что, проблемы с законом? – Да нет. – Деньги нужны? – Не нужны. Знаешь, давай я тебе потом позвоню».

Я говорил на бенгальском. И вдруг водитель такси спрашивает,

“Xenos”

не зовут ли моего отца... и называет его имя. Затем – деревню на двести человек, откуда уехала моя семья, и я понимаю, что он знает все про моих родителей, сестру и меня. У меня начинается паранойя – неужели за мной следят спецслужбы? Я потребовал объяснить, откуда у него информация, иначе не поеду. И водитель рассказал мне, что мой отец – его лучший друг, которому он когда-то отдал все деньги на осуществление мечты – открыть свое дело. Он знал, что у моего отца сын – знаменитый танцовщик («в бенгальских газетах писали про вас, правда, помещали фотографии вашего отца»). И сопоставил факты – человек, говорящий по-бенгальски, вызывает такси к оперному театру в Австралии...

Я тут же перезвонил отцу. «Ну чего тебе опять? – Папа, тут человек говорит, что он твой друг. – Спроси, как он меня называл? – Он говорит «Бийо»... эй, папа, алло!» И тут я впервые услышал, как мой отец плачет.

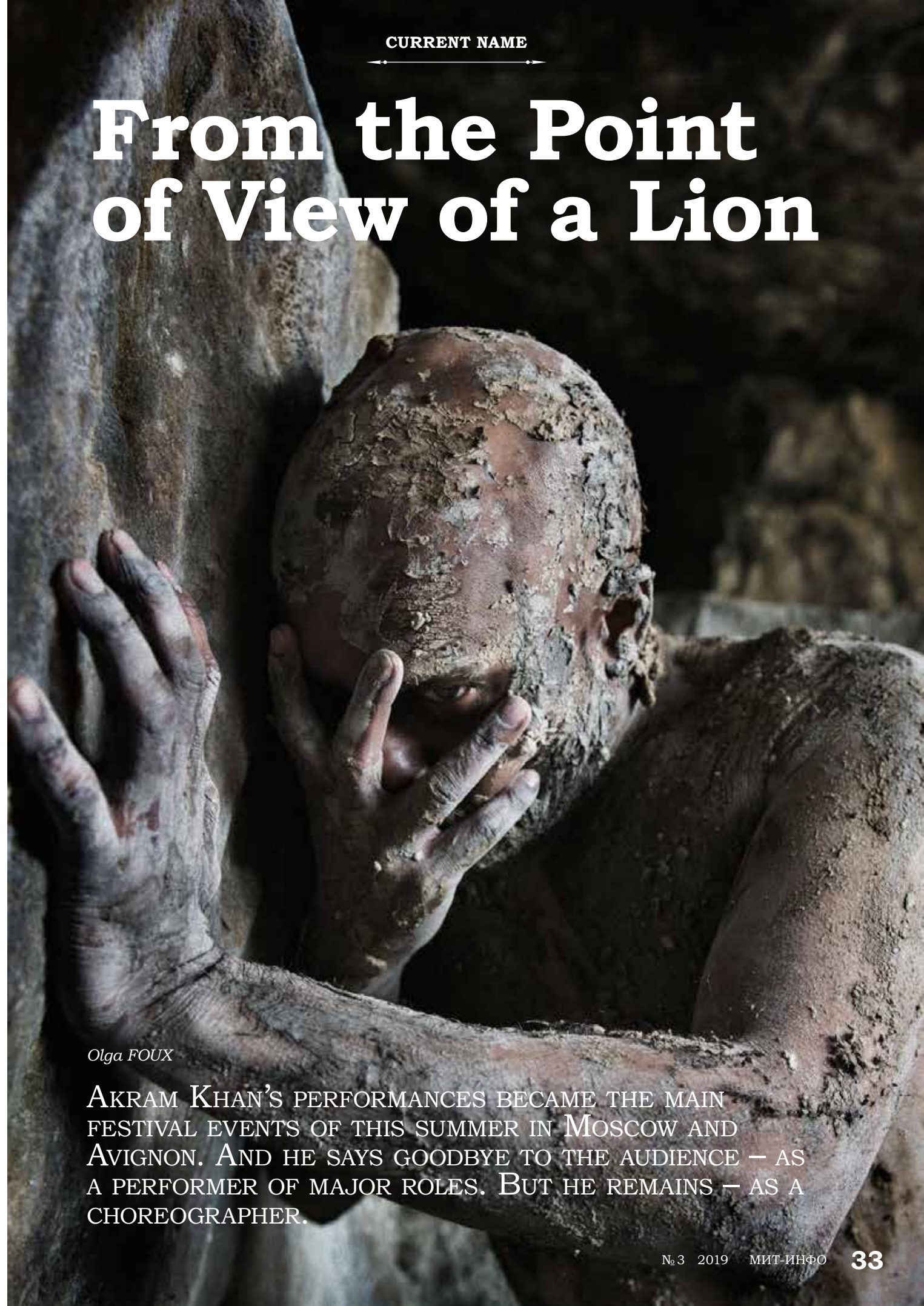
Через год я привез своих родителей в Сидней. На спектакле они сидели вместе с тем шофером такси. Я прервал спектакль и рассказал их историю. В антракте ко мне подошла парочка. Другая, не та, что увела такси из-под носа. «А вы не думали, что те нахалы были вашими ангелами, иначе не было бы этой встречи?» – спросили они. Вот что это было? Не знаю, но что-то непостижимое, если хотите, святое. Как сам танец».

Внашей жизни не так много моментов, когда ощущаешь величие простоты. Непростая это задача выразить прекрасными словами красоту танца. К тому же ответственная, за что мы должны быть благодарны танцору и хореографу Акраму Хану, автору послания к Международному дню танца в апреле 2009 года. Этот праздник отмечается во всем мире с 1982 года и в честь него проводятся мероприятия, организуемые Международным комитетом танца Международного института театра при ЮНЕСКО. Акрам Хан сумел сформулировать суть танца так, что они стали словами от всех нас, кто участвует в этом искусстве. Его слова глубоко трогают, пробуждая эмоции и движение внутри нас, а это и есть танец. Основы нашего бытия переплетаются с сущностью танца и его предназначением. Танец доступен каждому, един для всех. Мы можем узнать и полюбить друг друга посредством танца. Через танец воспитываются ценность, терпимость, сочувствие. Мечты – это танец, а танец – это воплощение мечты. А также уверенность в себе, доверие и сила воли. Акрам Хан говорит, что «у танца есть бесчисленные диалекты и огромная сила выражать, трансформировать, объединять и восхищать». Давайте распространять по всему миру эти слова!

Альберто Гарсия Кастаньо,
Президент Испанского центра МИТ
Мадрид, 27 сентября 2019.

From the Point of View of a Lion

Olga FOUX

AKRAM KHAN'S PERFORMANCES BECAME THE MAIN FESTIVAL EVENTS OF THIS SUMMER IN MOSCOW AND AVIGNON. AND HE SAYS GOODBYE TO THE AUDIENCE – AS A PERFORMER OF MAJOR ROLES. BUT HE REMAINS – AS A CHOREOGRAPHER.

He is forty-five, and he jokes that he is now forced to dance in clothes, because “metabolism, you know, slows down” but he gathers crowded halls who want to see his farewell solos. At 10, he fell asleep on Swan Lake. At 19, he first came to the ballet class having seen videos of the dancing Baryshnikov, and was harshly criticized for his physique. Chose Contemporary Dance faculty at Leicester De Montfort University because it was the only opportunity to enter a university (the dream of an ambitious father). And for the first time he saw the classic Giselle... only when three leaders of different theatres offered him to stage this ballet almost at the same time (“perhaps a good ballet, it’s worth a look”).

Evening

Akram Khan, a Londoner and a Bengali by origin, the creator of a unique dance style – a derivative of Indian classical kathak dance that came along in the fifth century and modern dance that arose in the twentieth – was specifically designed to refute Kipling’s axiom: “West is West, East is East and never the twain shall meet” Ironically, his first role in life (as a child) was the role of Mowgli from The Jungle Book (London Academy of Indian Dance). You can immediately name his first teachers of kathak, the dance of the gods, and modern, the dance of people – Sri Pratap Pavar (a connoisseur of traditions and a great experimenter who brought up more than 700 dancers) and Anna Teresa de Keersmaeker, an icon of style. But Akram Khan himself admits that from childhood he involuntarily combined the two traditions. Diligently studying kathak, he copied all the idols of the Western world – Charlie Chaplin, Michael Jackson, Buster Keaton

“Xenos”

and others. A throw of a cobra, a tiger jump, a whirling dervish, creepers of bound hands, a tapping of bare feet, and most importantly, Akram Khan’s fiery passion gave a spicy taste to modern dance.

Among the partners of Akram Khan – directors, dancers, artists – you can put together a separate “walk of fame.” Sylvie Guillem dances with him in “The Sacred Monsters”: first, the red-haired star and the dark-skinned tiger performed what they do best, classical ballet and kathak, then joined in a complex and refined choreographic dialogue about the essence of art. After a few years, she will again call Akram Khan, so that he, in the company of Russell Malifant and Mats Ek, composed for her a solo for the final performance – a magical dance of hands in a circle of light, so frantic that it seems that it itself produces energy. With a Belgian dancer and choreographer with Moroccan roots, Sidi Larbi Sherkaoui Khan creates the absolute hit “Zero degrees”, where even human speech is turned into a dance. Juliette Binoche embarks on all the difficulties with him and for the first time runs the risk of trying herself as a dancer in the witty and affectionate In-I about a man and a woman (what else?). With the famous bailaora (flamenco dancer) Israel Galvan, he composes “Torobaka”, where the images of the sacred animals of India and Spain, a cow and a bull, are embodied through kathak and flamenco. This list can be continued for a long time.

At the age of 13, Akram Khan joined Peter Brook’s international Mahabharata, Khan later also starred in his television version of Hamlet. The Mahabharata texts formed the basis of the Gnosis performance, where Akram Khan and Japanese dancer, singer and percussionist Yoshie Sunahata arrange a meeting of the Indian epic and Kabuki traditions. And “The Echo of Mahabharata” (subtitle of the book of poems by Kartika Nair dedicated to the peripheral heroes of the epic) will be echoed in another play by Akram Khan “While the Lions are Silent” (literally – “while the Lions have no historians,” while the hunters write history) – a dance story about Princess Amba, who was kidnapped and abused on her wedding day, forcing the gods to pray for retribution. “In many myths, female characters remain unnoticed... Their untold stories continue to haunt me,” said the choreographer. Thus, from play to play, Akram Khan became a “lion historian” – a historian of unnoticed heroines and nameless heroes.

“Xenos”

Today

This year’s Chekhov festival was marked by Akram Khan (Giselle of the English National Ballet, for which Akram Khan received the Lawrence Olivier Award), Territory (the festival specially began two months earlier than usual to show Xenos, where Akram Khan dances his last major role, leaving the opportunity to play small parts) and Avignon (the main stage in the courtyard of the Papal Palace hosted the screenings of the play “Outwitting the Devil”, which will be brought to Moscow in the fall during the DANCEINVERSION Festival). It was based on the ancient Eastern epic about Gilgamesh (“The Poem about the one who saw everything”), which was created over a half thousand years (by the way, Eimuntas Nekrošius wanted to stage it, but did not have time). In addition, a casting was held in Moscow for staging a new version of the ballet “Kaash” (“If...”) – the first major ballet Akram Khan, shown in more than 20 countries and awarded many awards. Well, the English National Ballet next season will present the premiere of the new Akram Khan ballet, whose heroes will be Frankenstein, Wojcieck and Prometheus.

In the multi-populated Giselle and solo Xenos, the world is divided by a wall. In Giselle, she separates the Les Miserables (faceless fingerprints of their hands – an attempt to move the Wall, to identify themselves) from the Nobles (almost mannequins for elaborate costumes). In the final, Albert, beloved and traitor to Giselle, God knows why kept his hateful life, will fight against this wall until it is quiet. In Xenos, this is an earthen moat, the last line between life and death. Both there and there, the classical music of Adolf Adan and Mozart is inlaid in the new musical statement of the composer Vincenzo Lamagna who was present at all rehearsals, writing the performance hand in hand with the choreographer.

Following Mats Ek and other cult choreographers, Akram Khan entered into dialogue with a recognized masterpiece – the romantic Giselle. These are not the first attempts to rethink the classical heritage in the work of the choreographer. For example, in the play “iTMOi” (In the Mind of Igor), which became a kind of offering to Igor Stravinsky and his “Holy Spring”, Akram Khan also leaves only one theme from the ballet from

music (the rest is written by composers Nitin Sawhney, Jocelyn Pook and Ben Frost), but seeks to recreate the original impulse of the great ballet (Stravinsky dreamed of it – a dancer dancing to death to restore spring to the world).

The choreographer admitted that he wanted to embody the image of a strong woman in Giselle, such as his feminist mother, Japanese wife (“outwardly absolutely calm, but inside – a volcano”), and a six-year-old daughter (“I am already afraid of her”). The Moscow public saw two Giselles – Tamara Roch and Alina Kozhakar (Akram Khan encouraged both to learn from each other. For himself, if he had to choose, he would have chosen the role of Illarion, in love with Giselle – his bloody path to power over his brothers, his burnout from hopeless love, his miserable death from bullying jeep). Giselle, a migrant worker from the factory where the Les Miserables work, is whole and clean woman, she does not bend her neck in front of the Nobility, does not accept her handouts, and in her determination to go all the way – until the birth of the child, to death from betrayal – becomes dangerous for the Nobility so for the Les Miserables.

Migrants, they are also the jeeps, dance and the monotony of the machine, and the flame of fire devouring Giselle, and the chaos of life, and the harsh dictatorship of death (in the second act, the choreographer picks them up pointe shoes and hands them bamboo sticks). Giselle, capricious in life, also rebels after death, treading the bellies of her new friends who have not given birth to children, and saving her beloved from their stinging sticks. She descends to a full step to win another meeting from death, another hug – and accepts her fate, taking the leader of the jeeps to a safe distance from Albert – just like a female hunter from cubs.

Xenos (“alien”, “stranger” translated from Greek, which gave the root to the word “xenophobia”) is a tribute to the memory of almost one and a half million soldiers from the colonies who died in World War I. It was this figure, read in one of the newspapers, that burned the choreographer, who agreed to participate in the memorable state program. He realized that among his gigantic army there might have been his ancestors, and realized that in the lessons of history the topic of soldiers from the colonies was hardly raised. They are also a kind of “lions” in the history of “hunters”. His lyrical hero was the kathak dancer, an unknown sepoy who died in a foreign war and lay in a foreign land. Monisto on his feet – a familiar element of a kathak costume – rings shackles here. To the sounds of a unique ensemble for voice, European and Indian instruments, a soldier loses his familiar world, comprehends the wisdom of war, pulls the cable, establishes a connection, touches military equipment like a child’s toys, walks around the dangerous top of the ditch, not knowing what he’s doing. And together with one of the main musical themes of the Christian world – Mozart’s Lacrimosa, which “spreads” in unfamiliar sounds – perishes in an unknown trench, parting with life with vital despair and childish surprise.

* * *

“Why is dance so important for people? If the dance story can be retold in words, if the dance does not speak to you inwardly, it means that I was mistaken somewhere. Dance has nothing to do with logic – there are so many ambiguities, figurative meanings... I will tell you one case. It was in Australia, at the Sydney Opera House was my performance. I lived not far, but once so tired that I called a taxi from the theatre. The taxi drove up, I opened the door and... a couple quickly got into the car, deciding that I opened the door to them. I was angry, and when the glass suddenly fell and they asked me: “Oh, and you are not Akram Khan by any chance?”, I blurted out: “Maybe, maybe, no”. They thanked me for the performance... and left. Five minutes later, I got into another car. And suddenly I realized that I just needed to call my father. I never really called, but I could not resist it. The time difference between Australia and London seems to be really big – in general, I woke him up. “Dad, hi! “What do you want?” I hesitated. “Do you have problems with the law? – Well no. – Need money? – Not needed. You know, let me call you later”.

I spoke Bengali. And suddenly the taxi driver asks if my father’s name is... and calls his name. Then – the village for two hundred people, where my family left, and I understand that he knows everything about my parents, sister and me. My paranoia begins – is it really that the secret services are watching me? I demanded to explain where he got the information, otherwise I won’t go. And the driver told me that my father – his best friend, to whom he once gave all the money to fulfill his dream – to open his own business. He knew that my father had a son – a famous dancer (“in the Bengali newspapers they wrote about you, though they posted photos of your father”). And he compared the facts – a Bengali-speaking person calls a taxi to the opera house in Australia...

I immediately called my father back. “Well, what do you want again? – Dad, here the man says that he is your friend. – Ask what he called me? “He says Biyo... hey dad, hello!” And then for the first time I heard my father cry.

A year later, I brought my parents to Sydney. At the performance, they were sitting with the taxi driver. I interrupted the performance and told their story. In the interval, a couple approached me. Another, not the one that stole a taxi from under the nose. “And you did not think that those impudent people were your angels, otherwise this meeting would have never happened?” They asked. What was that? I don’t know, but something incomprehensible, if you like, sacred. Like the dance itself”.

There are few occasions during our lifetime that we can experience the greatness of simplicity; not an easy task that of transforming into beautiful words the greatness of dance. And indeed a very generous task that we have to be grateful for. That is what the dancer and choreographer Akram Khan did when he wrote the message for the International Dance Day, April 2009, event promoted since 1982 by the International Dance Committee of the International Theatre Institute ITI/UNESCO. This extraordinary person and artist passed on to us the essences of dance through his words, that we feel are the words of all of us. These words moved us deeply, around our most inner emotions and motions, motion and emotion is what dance is all about. The pillars of our lives are brought here and intertwined with the essence of dance, and to its meaningful significance: dance is common to all, we can get to know and love each other through dance; through dance there is education in values, tolerance, empathy; dreams are dance and dance is dreams coming true, and there is also the power of self-confidence, trust and will. In his words, “This Day is dedicated to Dance, to its myriad dialects and its immense power to express, transform, unite and delight.” Let’s spread throughout the world these words, transform ourselves and others, wand with others, through the power of Dance!

*Alberto García Castaño
President of the Spanish Centre of ITI
Madrid, 27 September, 2019.*

Приключения ритуала

Екатерина ВАСЕНИНА

ТАНЦЕВАЛЬНАЯ ПРОГРАММА ИЗ КИТАЯ СТАЛА САМОЙ ОБШИРНОЙ ЧАСТЬЮ НЫНЕШНЕГО ЧЕХОВСКОГО ФЕСТИВАЛЯ. О ТРАНСФОРМАЦИЯХ САМОБЫТНОЙ КИТАЙСКОЙ ХОРЕОГРАФИИ, ЕЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ КАК С ОБРЯДАМИ И РИТУАЛАМИ, ТАК И С МИРОВЫМ КОНТЕКСТОМ – В МАТЕРИАЛЕ НАШЕГО ОБОЗРЕВАТЕЛЯ.

Хореограф Лин Ли-Чен – гордость тайваньской культуры. Ее творческий почерк формировался в 70-е годы. А постановки оказали большое влияние на развитие танцевального и театрального искусства на острове. В 80-х Лин посвятила себя семье, но в 1995 году вернулась к работе и основала репертуарный Театр танца Ледженд Лин для создания масштабных постановок, отражающих дух и культуру Тайваня. Ее работы

вдохновлены местными религиозными ритуалами и обрядами, художественный стиль театра ярко визуален, хореография зрелищная, современная и этническая одновременно. В 2002 году телеканал ARTE включил Лин Ли-Чен в список выдающихся хореографов мира.

Показанный на фестивале спектакль «Вечное движение жизни» учит зрителя замедлять свое восприятие, смаковать потребление образов.

Танцовщица-солистка У Мин-Чин переключает на принципиально замедленное и потому непривычное сценическое время, истово и долго раскручивая маховик двигательного экстаза, заставляет по-новому прочувствовать собственное восприятие движения. «Через обряды мы обретаем силу и новую мощь. Все танцоры должны пребывать в состоянии медитации. Для нас это полусон-полубдение. Такова и Вселенная», – говорит Лин Ли-Чен. Графика движений такова, будто кто-то выводит иероглифы китайской тушью в белом пространстве. Это послание опирается на традиции и национальную культуру. Лин Ли-Чен использует современные театральные техники для популяризации тайваньской культуры. В этом ее миссия и смысл представления, переосмысления аутентичного ритуала на современной сцене.

У молодого китайского хореографа Тао Йе иной взгляд на ритуал. Он отказывается от этничности. Маски и грим, привычные для китайского театра, доведены до обезличивающего знака: лицо, выкрашенное черной краской, точно вычитается из визуального ряда, так как больше ничего не выражает. Йе интересуется тело как источник и сосуд энергии, способные становиться частью мощного целого. Его завораживают величественные абстрактные полотна, сотканые великолепными телами, лишенными индивидуальности. Его танцовщики одеты в универсальный серый оверсайз: «Избранный мной путь в эпоху ослепляющих красок – создать единый дистиллированный цвет. Я отказываюсь следовать приходящему вдохновению как источнику творчества. Сакральность такой практики может быть осуществлена путем вовлечения тела в ритуальный процесс накопления, лепки и исследования». Йе разрабатывает минималистскую движущую палитру до скрупулезных высот. В двух работах его «числовой серии», пронумерованных «4» и «8» (по числу танцовщиков) и показанных на фестивале, Йе ограничивает хореографию одноактного балета несколькими движениями. И с их помощью показывает возможности энергии, поданной в тела с разной скоростью и силой. Каждый спектакль – изящное, умозрительное решение конкретных формальных задач. В «4» это иссякание энергии в однородных круговых движениях, в «8» это формальное ограничение

подвижности: танцовщики не могут встать на ноги и передвигаются лежа (этот танец стоит смотреть с балкона!). Тао Йе таким образом выходит из круга представлений о китайском искусстве с непременной китайской визуальностью. Нет красивых длинных рукавов танцовщиц, распущенных волос, тонких китайских силуэтов. Есть универсальная общепланетарная прозодежда, скрывающая красоту линий. И одновременно есть трансляция формальной, похожей на шахматную игру, работы с базовыми характеристиками движения: силой, скоростью, гравитацией. То есть с тем, чем занимается современный танец во всем мире. Тао, самый популярный «некитайский» китайский хореограф, родился в 1985 году. Работал в Ансамбле песни и пляски армии Шанхая, в Шанхайском театре танца Цзинь Син, в Пекинской компании современного танца BMDC. В возрасте 23 лет в 2008 году основал Театр танца Тао. Привлек внимание китайской индустрии моды, в 2015 сотрудничал с Ёдзи Ямамото.

Его отказ от читаемой китайской визуальности в постановках мне кажется логичным в современном мире, где ярко поданная аутентичность становится сферой интересов профессиональных исследователей или туристов. Тао Йе представляет китайское искусство встроенным в современный мир, осмысляющим общемировые тенденции современного танца. Его искусство в лучшем смысле политично и устремлено в будущее. Но как ни парадоксально, то же самое можно сказать о творчестве Лин Ли-Чен. Они оба исследуют ритуал, но понимают его каждый по-своему в соответствии со временем своего становления. И если искусство Лин Ли-Чен уже давно стало классикой и визитной карточкой китайской хорео-

графии, то опыты Тао Йе отражают движение XXI века.

Adventure of Ritual

Catherine VASENINA

THE DANCE PROGRAM FROM CHINA BECAME THE CORE OF THE CURRENT CHEKHOV FESTIVAL. CATHERINE VASENINA OBSERVED TRANSFORMATION OF DISTINCTIVE CHINESE CHOREOGRAPHY, ITS RELATIONSHIPS WITH RITES AND RITUALS, AS WELL AS WITH THE GLOBAL CONTEXT.

Choreographer Lin Li-Chen – the pride of Taiwanese culture. Her creative style was shaped in the seventies. The productions had a great influence on the development of dance and theatrical art on the island. In the eighties, Lin devoted herself her family, but in 1995 she returned to work and founded the Legend Lin Dance Theatre. She intended to create large-scale productions that reflect the spirit and culture of Taiwan. Her works are inspired by local religious rituals and rites. Artistic style

of the theatre is vividly visual, choreography is spectacular, modern and ethnic at the same time. In 2002, ARTE TV channel included Lin Li-Chen in the list of the most outstanding choreographers of the world.

The performance “Eternal Movement of Life” shown at the festival taught the audience to slow down their perception, savour the consumption of images. The solo dancer Wu Min-Chin performed at a very distinctive stage time – fundamentally slowed down and therefore unusual. Unwinding

the flywheel of ecstasy engine, she made the audience experience a new kind of movement. “Through rites we gain strength and new power. All dancers should be in a state of meditation. For us, this is a state of half-dream. That is the way the Universe is” says Lin Li-Chen. With the bright stage light, the motion graphics were as if someone displayed Chinese hieroglyphs in white space. This message was based on traditional national culture. Lin Li-Chen used modern theatrical equipment and technology to promote Taiwanese culture. This is her mission and the essence of the performance – rethinking of authentic ritual on the modern stage.

The young Chinese choreographer Tao Ye has a different view of the ritual. He rejects ethnicity. Masks and make-up usual to Chinese theatre are transformed to impersonal signs: the face is painted black and subtracted from the visual range since it does not express anything else. Ye is interested in the body as a source of energy, capable of becoming a part of a powerful whole.

He is fascinated by the majestic abstract canvases, woven by magnificent bodies devoid of individuality. His dancers are dressed in a universal gray oversight: “The path I have chosen in the era of blinding colours is to create a single distilled colour. I refuse to follow the inspiration as a source of creativity. The sacredness of this practice can be accomplished by involving the body in the ritual process of accumulation, modelling and research”.

Ye develops a minimalistic motion palette to scrupulous heights. In two works of his “number series”, numbered “4” and “8” (there are four dancers whose sex is hidden by baggy clothes) and performed at the festival. Ye restricts the choreography of a one-act ballet to several movements. And with their help, it shows the possibilities of energy supplied to bodies with different speeds

and power. Each performance is an elegant, speculative solution of specific formal issues. In “4” this is the exhaustion of energy in uniform circular movements, in “8” this is a formal restriction of mobility: dancers cannot stand up, they move lying from the front stage to the back (this dance is worth watching from the balcony!). Tao Ye thus leaves the circle of ideas about Chinese art with indispensable Chinese imagery. There is a universal planetary that conceals the beauty of lines. At the same time there is a broadcast of a formal, chess game, work with basic characteristics of movement: force, speed, gravity. That is the essence of contemporary dance in the whole world. Tao, the most popular «non-Chinese» Chinese choreographer, was born in 1985 in Chongqing (population over 30 million). He worked at the Shanghai Army Song and Dance Ensemble, at the Shanghai Jin Xing Dance Theatre, at the Beijing Contemporary Dance Company BMDC. At the age of 23 in 2008 he founded the Tao Dance Theatre. He attracted the attention of the Chinese fashion industry, in 2015 collaborated with Youji Yamamoto.

His rejection of Chinese imagery seems logical to me in the modern world, where brightly presented authenticity becomes the sphere of interest of professional researchers or tourists. Tao Yeh in the language of dance represents Chinese art embedded in the modern world, cognizing and reflecting on the global trends of modern dance. His art is in the best sense political and directed to the future. But paradoxically, the same can be said about the work of Lin Li-Chen. Both of them explore ritual, but in their own way. And if the art of Lin Li-Chen has long been a classic and hallmark of Chinese choreography, Tao Ye’s experiments reflect the movement of the 21st century.

Древорожденный

Фото и текст: Ольга ФУКС

ЗАМЕТКИ С РЕПЕТИЦИИ «ПИНОККИО»
В ЭЛЕКТРОТЕАТРЕ СТАНИСЛАВСКИЙ

КОГДА ПОДАВЛЯЮЩЕЕ БОЛЬШИНСТВО ТЕАТРОВ ИЩЕТ СВОЮ НИШУ В ИНДУСТРИИ ENTERTAINMENT, ВСТРАИВАЯ В ЭТО ПРОКРУСТОВО ЛОЖЕ СВОЙ ПРОДУКТ – СПЕКТАКЛЬ, ХУДРУК ЭЛЕКТРОТЕАТРА СТАНИСЛАВСКИЙ БОРИС ЮХАНАНОВ ПЛЫВЕТ ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ, ПРОДОЛЖАЯ СОЗДАВАТЬ ТЕАТР-ПУТЕШЕСТВИЕ, ТЕАТР-СПОСОБ ПОЗНАНИЯ, ТЕАТР-ОБРАЗ ЖИЗНИ, ГДЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ НАЗВАНИЕ СТАНОВИТСЯ ОТПРАВНОЙ ТОЧКОЙ ДЛЯ ГЛОБАЛЬНОЙ МИСТЕРИИ И ИГРЫ. НАШ КОРРЕСПОНДЕНТ ПОБЫВАЛ НА РЕПЕТИЦИИ ЕГО НОВОГО ТЕАТРАЛЬНОГО СЕРИАЛА «ПИНОККИО».

История этой постановки началась больше двадцати лет назад, когда режиссер и его друг, драматург Андрей Вишневский, стали сочинять метатекст на основе «Приключений Пиноккио» Карло Коллоди – о деревянном человечке (он же Ангел Апокалипсиса, он же Небесная Марионетка), который пустился в фантастическую и страшную одиссею по Среднему миру, чтобы стать Человеком.

Среди других действующих лиц «Пиноккио» – мастер Джеппетто, который помог принять роды у Древа жизни и появиться на свет Пиноккио, жестокий и властный театродилер Моджафокко, Роза Света, ради которой Пиноккио сорвал спектакль, впервые

попав в театр, ремаркеры – родственники итальянских слуг просцениума, джанк-паяцы – отлученные от театра, но театрозависимые актеры, которые ищут театральную дозу везде, где только можно: в обрывках пьес, в остатках реквизита, в пыли кулис (их будут играть пожилые актеры, готовые на любые эксперименты) и другие ирреальные или напротив, очень реальные, персонажи.

Маски. Новая коллекция haute couture

Для более полного погружения в созвучный «Пиноккио» мир театра масок в «Станиславский» пригласили Алессио Нардина, известного итальянского специалиста по искусству комедии дель арте, с которым артисты работают уже год (с перерывом на отъезды Алессио в Италию для производства оригинальных масок для «Пиноккио»). Для актеров репетиции с Алессио – только на ногах и только по-английски (хотя русских слов с отличным произношением он выучил на лету немало и, кажется, давно уже понимает русский) – настоящий вызов. В русских умах он совершил маленькую революцию, разрушив представление о масках комедии

дель арте, как о каких-то заставших раз и навсегда характерах и рассказав о культовых итальянских актеров, чья слава разнеслась по Европе и чьи имена и псевдонимы дошли до нас именами Труффальдино, Бригелла, Тарталья и так далее. Такое «консервативное» искусство, как комедия дель арте, просто обречена на развитие, иначе она умрет (убеждает Алессіо, меняя новенькие кожаные маски, специально придуманные для «Пиноккио»). И кто знает, какие имена пополнят это великое искусство после рождения «Пиноккио».

Этим летом в орбиту спектакля попали и самые продвинутые из будущих зрителей – для них в Электротеатре Станиславский устроили целую серию экскурсий по театру, мастер-классов и публичных бесед с создателями «Пиноккио» – художниками, гри-

мерами, драматургом, композитором, актерами, специалистами по кукольному театру. И здесь собственно спектакль стал всего лишь отправной точкой для подробных разговоров о музыке в эпоху искусственного интеллекта, о психологии маски в XXI веке, о философских аспектах в образах Буратино, Незнайки, Рейнеке Лиса и других сказочных персонажей, о связи «Пиноккио» и Раем Данте – этих разговоров о современном искусстве и самых причудливых ассоциациях хватило бы на отдельную книгу, такую новую «Игру в бисер». Таким образом, как Манджафокко Пиноккио, потенциальных зрителей «подсаживают» на «иглу» Театра.

И вздох тоски, и радость сострадания

– Пройдем сначала интермедии, а сцену с мясом пропустим. Так, пошли зрители-чудовища. Когда вы садитесь, никакие штаны вылезать не должны. И часы тоже – в наше время часов уже не было... Так, подходите ко мне, прижимая маску. Не знаю, кто это, но мне кажется, Аня. А это Леонид Иванович? Покажите личико... А, Антон. Теперь Кабан пошел...

Кабан, твое место рядом с Женей. Раскланяйтесь друг с другом, вы – добрые соседи...

Зрители-бюргеры в Театре Манджафокко носят диковинные огромные маски кабанов и баранов – в таких и равновесие потерять недолго. А режиссер отрабатывает с ними «звуки зала» – рык возмущения, урчание удовольствия, водопад смеха... и шок сострадания, когда они вдруг сорвут с себя маски, обнажат лица, увидят друг друга настоящих... засмущаются, попрячутся вновь в свои маски. В этот театр попадет Пиноккио – раздвоенный человек-андроид с двумя серебряными голосами.

Пиноккио играют Светлана Найденова и Мария Беляева. У них один на двоих текст, разложенный на голос и эхо, одинаковый костюм, и одна на двоих судьба «древорожденной» куклы. К слову, персонажи в спектакле Юхананова вообще дwoятся и трoятся, мерцают эмоциями, перекидываются репликами. Под руками гримерш брюнетка Мария и шатенка Светлана постепенно превращаются в белобровое существо-андрoидина в пастельных тонах. Длинные волосы заплетаются в косы – убрать под силиконовую лысину. «Помню, как-то прихожу я на примерку, – рассказывает Мария. – И чувствую, все напряжены, но не говорят, что делать будут. Намазали брови и ресницы кремом и стали слой за слоем заливать силиконом, оставили только отверстия, чтобы дышать. Продолжалось это часа полтора. Вскоре мне стало очень страшно, я поняла, что у меня началась самая настоящая клаустрофобия – ощущение, что тебя заживо замуровывают. И ты ничего не видишь, не понимаешь и полностью зависишь от других. Потом даже коньячку налили».

Пиноккио попадает в Театр на представление «Нежный гомункул, или Приключения Пьеро и Арлекина в гибнущем мире». И тональность резко меняется, точно из мистериальной сказки мы попадаем в современную драму. Здесь Арлекин – слуга аж семи господ: гангстера по кличке Мясо, танцовщицы Мата Хари, близнецов Святой и Ведьмы, Короля Солнце, Королеве фей Титании... Юркий и деловой, он готов обучить собрата всем технологиям современного успеха. А Пьеро – вечный хмурый диссидент (Чацкий, Гамлет, продолжите сами), который никогда не сможет ужиться с сильными мира сего и вечно будет бит...

Пропитаться мистерией

Но прежде, чем начались репетиции с актерами, постановочная команда несколько месяцев проводила «креативные сессии», подпитывая друг друга и генерируя идеи. В воронку этой работы постепенно втягивались художник Юрий Хариков, композитор Дмитрий Курляндский, хореограф Андрей Кузнецов-Вечеслов, художница по костюмам Анастасия Нефёдова. А Юрий Хариков нарисовал на целый альбом эскизов. Его сценография будет напоминать храм, который впускает в себя «сквозняки» любых эпох и людей.

На этих сессиях Анастасия Нефёдова изрисовывала страницы текста портретами актеров, которые постепенно обрастали толстинками, париками, лысыми, суставами. «Борис Юрьевич ставит мистерию, где все должно быть по-настоящему, – говорит Анастасия Нефёдова. – Это дорогостоящая работа, но вовсе не для того, чтобы поразить богатством, а для того, чтобы

зритель подключился к этой мистерии всеми рецепторами. Вот костюм контролера на входе – в этих доспехах каждую проволочку накручивали вручную, и в этом процессе в костюм входит определенная энергия, которую нельзя не почувствовать. Для нас это осознанный труд – чтобы зрители пропитались мистерией, нужно много чего вложить, не только денег. Хотя деньги – божественная сущность и единственная территория, на которой мы можем договориться».

Запись музыки к «Пиноккио» тоже далеко не всегда располагается на нотном стане. Композитор Дмитрий Курляндский берет тетрадку и начинает накидывать в ней точки и линии – спонтанные звуки хора, которые создают звуковую взвесь, музыкальную среду многих сцен. По его словам, современный композитор должен не только и не столько соединять ноты из музыкального «лего» уже существующей системы (это уже давно может делать компьютер), сколько нарушать правила, раздвигать рамки, обращать в музыку любые привнесенные звуки – шум

осветительных приборов, голоса артистов. Он также признался, что сидя дома, никогда не написал бы ту партитуру, которая родилась во время мозговых атак с постановочной командой, вне этого пространства, которое само по себе звучит и резонирует. «Все есть музыка, вопрос лишь в том, как мы настроим свой слух. Можно сказать, что «Пиноккио» – концерт для солирующего голоса и среды. Когда я только пришел сюда работать, я очень страдал от того, какое шумное пространство – театр (тем более, что у Бориса Юрьевича всегда очень много машинерии). Но потом понял, что удобная тишина – те же рамки, а любой звук пространства может быть материалом для музыки, надо только принять его и создать нужную подзвучку».

Премьера первых двух частей «Пиноккио» – «Лес» и «Театр», каждая из которых является полноценным спектаклем, – выйдет осенью. Всего же их будет пять. Так, зрители будут приобщаться к путешествию, итог которого, возможно, до конца еще не ясен даже самому капитану Юхананову.

Tree Born

Фото и текст: Olga FOUX

ЗАМЕТКИ С РЕПЕТИЦИИ «ПИНОККИО»
В ЭЛЕКТРОТЕАТРЕ СТАНИСЛАВСКИЙ

THE VAST MAJORITY OF THEATRES ARE LOOKING FOR THEIR NICHE IN THE ENTERTAINMENT INDUSTRY, EMBEDDING THEIR PRODUCT IN THIS PROCRUSTEAN BED – A PERFORMANCE. ARTISTIC DIRECTOR OF THE ELECTROTRETHEATRE STANISLAVSKY BORIS YUKHANANOV FLOATS AGAINST THE STREAM, CONTINUING TO CREATE A THEATRE-JOURNEY, A THEATRE-WAY OF LEARNING, A THEATRE-LIFESTYLE, WHERE THE LITERARY NAME BECOMES STARTING POINT FOR A GLOBAL MYSTERY AND GAME. OUR CORRESPONDENT ATTENDED REHEARSALS OF HIS NEW THEATRICAL SERIES PINOCCHIO.

The story of this production began more than twenty years ago, when the director and his friend, playwright Andrei Vishnevsky, began to compose a meta-text based on “The Adventures of Pinocchio” by Carlo Collodi – about a wooden man (aka Angel of the Apocalypse, aka Heavenly Puppet), which set off into a fantastic and a terrible odyssey in the Middle World to become a Man.

Other Pinocchio characters include the master Jeppetto, who helped to give birth to the Tree of Life and the birth of Pinocchio, the cruel and powerful theatre dealer Mojafocco, Rose of the Light, for which Pinocchio disrupted the play, first entering the theatre, remarkers – relatives of Italian servants of the proscenium Junk-clowns

are excommunicated, but theatre-dependent actors who look for theatrical dose wherever possible: in pieces of plays, in the remnants of props, in the dust of the wings (they will be played by elderly actors who are ready for any experiments) and a friend e surreal, or on the contrary, it is very real, the characters.

Masks. New collection haute couture

For a more complete immersion in the consonant «Pinocchio» world of mask theatre, Alessio Nardina, a famous Italian specialist in the art of comedy del arte, was invited by the artists to work with Stanislavsky for a year now (with a break for Alessio’s trips to Italy to produce original masks for «Pinocchio»). For actors rehearsal with Alessio – only on their feet and only in English (although he learned a lot of Russian words with excellent pronunciation on the fly and, it seems, has long understood Russian) – a real challenge. In Russian minds, he made a small revolution, destroying the idea of masks of the comedy del arte, as some kind of compelling characters once and for all and talking about cult Italian actors, whose fame spread throughout Europe and whose names and pseudonyms came to us by the names of Truffaldino, Brigella, Tartaglia and so on. Such a “conservative” art as comedy del arte is simply doomed to development, otherwise it will die (Alessio convinces by changing the brand new leather masks specially invented for Pinocchio). And who knows what names will be added to this great artwork after the birth of Pinocchio.

This summer, the most advanced of the future spectators also entered the orbit of the performance – for them, the Electrotheatre Stanislavsky organized a

series of theatre tours, workshops and public talks with the creators of Pinocchio – artists, make-up artists, playwright, composer, actors, puppet specialists. And here the performance itself became just a starting point for detailed conversations about music in the era of artificial intelligence, about the psychology of masks in the 21st century, about philosophical aspects in the images of Pinocchio, Dunno, Reineke Lis and other fairy tale characters, about the connection between Pinocchio and Dante’s Paradise – This talk about contemporary art and the most bizarre associations would be enough for a separate book, a sort of new “Bead Game”. Thus, like Manjafocco Pinocchio, potential spectators are on the “needle” of the Theatre.

And a sigh of longing, and the joy of compassion

Let’s go through the intermedia first, and skip the meat scene. So, monster spectators went. When you sit down, no pants should come out. And the clock, too – clock are no longer present... So, come to me, clutching the mask. I don’t know who it is, but it seems to me, Anya. Is this Leonid Ivanovich? Show a face... Ah, Anton. Now

the Boar has gone... Boar, your place is next to Zhenya. Bow to each other, you are good neighbors...

Spectators-burghers at the Manjafocco Theatre wear outlandish huge masks of wild boars and rams – in such cases they will not lose their balance for long. And the director rehearses with them “hall sounds” – a roar of indignation, a rumbling of pleasure, a waterfall of laughter... and a shock of compassion when they suddenly rip off their masks, expose their faces, see each other real... embarrassed, hide again in their masks. Pinocchio, a forked androgynous man with two silver voices, will fall into this theatre.

Pinocchio is played by Svetlana Naidenova and Maria Belyaeva. They have one text, laid out in voice and echo, the same costume, and one fate of the “old-born” doll. By the way, the characters in Yukhananov’s play generally double and triple, flicker with emotions, and throw replicas. Under the arms of the make-up artist, brunette Maria and brown-haired Svetlana gradually turn into a beaver-androgynous creature in pastel colors. Long hair braided in braids – remove under a silicone bald spot. I remember,

somehow I come to try my costume on,” says Maria. “And I feel that everyone is tense, but they don’t say what they will do”. I smeared eyebrows and eyelashes with cream and began to pour silicone layer by layer, leaving only holes to breathe. It lasted an hour and a half. Soon I was very scared, I realized that I had real claustrophobia – a feeling of being walled up alive. And you do not see anything, do not understand anything and are completely dependent on others. Then they even poured cognac”.

Pinocchio enters the Theatre during the performance «The Gentle Homunculus, or The Adventures of Pierrot and Harlequin in a Dying World.» And the tonality changes dramatically, as if from a mystery tale we find ourselves in a modern drama. Here Harlequin is the servant of as many as seven gentlemen: a gangster named Meat, a dancer Mata Hari, the twins of the Holy and the Witch, the King of the Sun, the Queen of the fairies of Titania... Nimble and business, he is ready to teach his fellow all the technologies of modern success. And Pierrot is an eternal gloomy dissident (Chatsky, Hamlet, go ahead yourself), who can never get along with the powers that be and will always be beaten...

Soak in the mystery

But before the rehearsals with the actors began, the production team spent several months conducting “creative sessions”, generating ideas. Artist Yuri Harikov, composer Dmitry Kurlyandsky, choreographer Andrei Kuznetsov-Vecheslov, costume designer Anastasia Nefyodova gradually became involved in the funnel of this work. And Yuri Harikov painted on an entire album of sketches. His scenography will resemble a temple, which lets in «drafts» of any era.

At these sessions, Anastasia Nefyodova painted pages of the text with portraits of actors who gradually grew into plumps, wigs, bald patches, and joints. “Boris Yurievich sets the mystery, where everything should be for real,” says

Anastasia Nefyodova. – This is an expensive work, but not in order to amaze with wealth, but in order

for the viewer to connect to this mystery with all the receptors. Here is the controller’s suit at the entrance – in this armor each wire was wound manually, and in this process a certain energy enters the suit, which cannot be felt. For us, this is a deliberate work – in order for the audience to become saturated with the mystery, you need to invest a lot of things, not only money. Although money is a divine essence and the only territory on which we can agree”.

Recording music for Pinocchio is also far from laying on a staff. Composer Dmitry Kurlyandsky takes a notebook and begins to throw dots and lines on it – spontaneous sounds of the choir, which create a sound suspension, the musical environment of many scenes. According to him, a modern composer should not only combine notes from the musical “lego” of an existing system (a computer can do this for a long time), how much to break the rules, push the frames, turn any introduced sounds into music – the noise of lighting fixtures, voices artists. He also admitted that while sitting at home, he would never have written the score that was born during brain attacks with a staging team, outside this space, which in itself sounds and resonates. “When I first came here to work, I really suffered from what a noisy space the theatre is. But then I realized that comfortable silence is the same framework, and any sound of space can be material for music, you just have to accept it and create the right sound. ”

The premiere of the first two parts of Pinocchio – Forest and Theatre, each of which is a full-fledged performance – will be released in the fall. There will be five of them in total. So, the audience will join in the journey, the outcome of which, perhaps, is not yet completely clear even to the captain Yukhananov himself.

Оренбург – перекресток культур

Айсылу САГИТОВА, Нина КАРПОВА

Международный театральный фестиваль «Гостиный двор» впервые прошел в Оренбурге в 1994 году. Благодаря ему снова встретились театры, которые еще недавно находились в общем культурном пространстве единой страны. Фестиваль проходил с перерывами, а в последние годы он проводится каждый год: один год встречаются театры кукол, а другой – музыкально-драматические. Нынешний XI Международный театральный фестиваль «Гостиный двор» в Оренбурге был посвящен 275-летию Оренбургской губернии и 85-летию области.

«Зулейха открывает глаза»

«Пять вечеров»

По следам Пушкина

Главным театральным подарком к этому юбилею и центральным событием фестиваля стала «Капитанская дочка» Оренбургской драмы в постановке Рифката Ибрафилова. С Пушкиным в Оренбурге связано очень многое, хотя он пробыл здесь всего лишь три дня – приезжал изучать архивные материалы, связанные с пугачевским восстанием, и посетил казачью слободу Берды, которая когда-то была центром повстанческой армии: оттуда атаманы отправлялись в дальние походы. В Бердах он и встретился с казачкой, видевшей и знавшей Пугачева, чьи рассказы затем легли в основу «Истории Пугачева» и «Капитанской дочки». Поэтому спектакль оренбургского театра воспринимается здесь по-особому – место накладывает свой отпечаток. В спектакле занята вся труппа театра, а также студенты Оренбургского института искусств им. Леопольда и Мстислава Ростроповичей. Режиссер поставил масштабный спектакль, где центральным является решенный с помощью видеопроекции образ метели, символизирующий

и зимние, пронизывающие, холодные оренбургские ветра, и кровавый бунт, который сметает все на своем пути, не оставляя ничего живого. Отнюдь не случайно главной мыслью спектакля звучат слова Пушкина: «Не приведи Бог видеть русский бунт – бессмысленный и беспощадный».

Тему исторической памяти продолжил спектакль Башкирского академического театра драмы им. Гафури, обладатель Первой спецпремии Жюри «Золотой маски» «Зулейха открывает глаза» по роману Гузель Яхиной в инсценировке Ярославы Пулинович. Режиссер Айрат Абушахманов ставит трагический, возвышенный спектакль о любви и свободе, где через миф последовательно рассказывает историю о репрессиях 30-х годов. Решенное в темных тонах, разомкнутое вширь и в глубину (мы видим всю машинерию сцены) пространство художника Альберта Нестерова искрится и переливается морозным серебром на одежде героев и на свисающих сверху черных полосках – сибирских деревьях, а, может быть, искалеченных человеческих судьбах. Спектакль балансирует

на грани сказки и документа, снов и реальности. Это условный театр с глубоким психологическим проживанием, вплоть до надрыва.

Напротив, в меру эмоциональный спектакль показал Самарский академический театр драмы им. М. Горького «Корсиканка» Иржи Губача. Несмотря на заявленный жанр романтической комедии, режиссер Валерий Гришко бесспорно ставит философскую драму о последних днях Наполеона и о том, что любая слава тленна и недолговечна, а человеческая жизнь бесценна. Об этом размышляет и Татарский академический театр им. Камала в спектакле молодого режиссера Айдара Заббарова «И это жизнь?..» по прозе татарского классика Гаяза Исхаки, где главный герой Халим (Искандер Хайруллин) проходит путь от наивного, детского восприятия жизни через взросление и познание к абсолютному обеднению души, смирению и угасанию. Лаконичное сценическое оформление художника Булата Ибрагимова с тремя фонарными столбами и пыльными брекетами сена – объемное, многосложное и бытийное по наполнению. Пробирающиеся сквозь туман лучи прожекторов и неторопливо опускающийся снег погружают это пространство то в атмосферу холодного зимнего вечера, то жаркого летнего сенокоса, то оно становится абсолютно пустым, когда в финале, сидя на авансцене, герой с горечью осознает, что жизнь прошла зря.

Любопытный спектакль показал на фестивале Челябинский театр драмы им. Орлова «Пять вечеров» Володина в постановке Дениса Хусниярова, который разыгрывается в двух синих движущихся квадратах – двух рас-

«Ак калфак»

«Брачный договор»

колотых мирах с пустыми глазницами вместо окон и с хрущёвскими стенами (сценография и костюмы Александра Мохова и Марии Лукки). В начале холодные и мрачные, эти два пространства к концу спектакля постепенно наполняются теплом и светом. Актеры сами управляют квадратами – то яростно и страстно вращая их вокруг оси, например, в сцене, когда Тамара (Татьяна Власова) вдруг осознает, что снова влюблена; то молчаливо поворачивая к зрителям стеной, когда тяжело сделать выбор Ильину (Владислав Коченда).

Орский государственный драматический театр им. Пушкина представил фантазмагорию «Смерть Тарелкина #дураки дурацкие» по Сухово-Кобылину режиссера и художника-постановщика Дмитрия Сарвина, который поместил героев пьесы на дно мира с ведущей вверх лестницей, откуда виден кусочек голубого неба и чей-то наблюдающий зрачок глаза. Весь спектакль Тарелкин (Дмитрий Белич) пытается выбраться (или проснуться) от этого странного сна, где даже его мечта – девушка с зонтиком – оборачивается монстром. Страшен образ Варравина (Алексей Маланьин), который напоминает самого жестокого диктатора XX века – невысокого роста, сутулый, с прилизанными прядями волос на голове и квадратом усов – он двигается медленно и появляется незаметно, пугая всех, говорит тихо, почти шепотом.

Оренбургский государственный татарский драматический театр им. Файзи порадовал зрителя музыкальной национальной мелодрамой «Ак калфак» Файзи (реж. Булат Бадриев), а Бугурусланский городской драма-

тический театр им. Гоголя комедией Э. Кишона «Брачный договор» (реж. Вячеслав Сорокин). Фестивальную программу, состоящую в основном из классики, разбавил спектакль по остро-социальной пьесе Дмитрия Данилова «Человек из Подольска» – дипломный спектакль студентов Оренбургского института искусств (курс Рифката Исрафилова). А студенты Российской государственной академии театрального искусства – ГИТИС (г. Москва) привезли «Бешеные деньги» Островского (режиссер Владимир Байчер), перенеся место действия пьесы в наши дни. В рамках фестиваля также прошли образовательные мастер-классы

по сценической речи Ирины Промтовой, лаборатория актерской профессии Юрия Альшица, режиссерская лаборатория Рифката Исрафилова. Специальным гостем

фестиваля стал японский театр «Боттян» (г. Мацуяма), который показал видеoversию спектакля «Клятва на монете».

Айсылу САГИТОВА

Лица трагедии

Одним из хедлайнеров «Гостиного двора» стал спектакль Свердловского театра драмы, поставленный по первому варианту «Вассы» М. Горького. В авторском названии, данным талантливым режиссером Уланбеком Баялиевым, – «Железнова Васса Мать» сразу обозначены три круга, три состояния героини. Театральными средствами XXI века режиссер исследует феномен нового женского типа, появившегося в начале XX века. Жизнь Железновой в спектакле подчинена сохранению дела. В спектакле оно абстрактно – не огромное пароходство из второго варианта пьесы, а мифический мох, которому преданно служит героиня, совершая ради него махинации, убийства, подлоги, корежа жизнь детей.

Васса Ирины Ермоловой – хваткая, уверенная, умная. Красивая изысканной

красотой умной, страстной, страдающей и порочной женщины. В ней есть что-то мистическое, сравнения с леди Макбет, Снежной королевой, Медеей напрашиваются сами собой. Но актриса смело прорывается за пределы знаковой символики героини, привнося в ее лишенную, казалось бы, человеческих качеств линию поведения какие-то бытовые подробности. И сигаретку у дочери возьмет, и закашляет с непривычки, и любимую невестку обнимет, и фасон чужого платья с любопытством разглядит. Но эти детали работают на цельный образ, который дополнит ее странное общение, схожее с языческим поклонением одиноко стоящему в глубине сцены дереву.

Сценограф Евгения Шутиня создала для спектакля единое сценическое пространство – стеклянный дом, где доминирует Васса, даже когда ее нет. Прозрачные, с изморозью, стены предполагают не только систему всеобщего досмотра, но намеренно этот постоянный контроль фиксируют. Жизнь остальных членов большой семьи укрыта от посторонних глаз, на сцене – лишь отголоски того, что происходит с ее странными, болезненными детьми – горбуном Павлом (Игорь Кожевин) и ущербным Семеном (Антон Зольников). У каждого – подробные, наполненные бытом и страстными муками сцены, не только с матерью, каждый – со своей долей трагической вины и ответственности. Но режиссеру важно и то, что у них есть мечта. И как оживляются загнанные материнской волей эти, так и не ставшие полноценными мужчинами, вечные дети, когда говорят, что будет после развала дела...

А ничего не будет – только тишина... и божественная музыка Фаустаса Латенаса.

* * *

Казахский музыкально-драматический театр им. К. Куанышбаева под руководством Талгата Теменова не первый раз приезжает на фестиваль. Шекспировское трагическое напряжение обогатилось в его спектакле романтическими красками. Режиссер прочитал пьесу с должным пиететом, не наспех, но избавил от традиций. В Отелло Куандыка Кыстыкбаева есть что-то дикое, необузданно-нетерпеливое, что делает его победителем. Он не знает поражений. Он вне цивилизации, мощный, гордый и дикий, что влечет к нему юную, наивную Дездемону (Акмарал Танабаеву). Они из равных миров: его – суров, прост и безупречен, ее – соткан из женского лукавства, влюбленности, радостей, дружбы.

Их можно сравнить с орлом и голубицей, которые живут в разных воздушных потоках, и чем выше поднимается орел, тем легче ему дышать и лететь. А она там, на его высоте, обязательно погибнет, и не важно почему.

Нина КАРПОВА

Orenburg – Intersection of Cultures

Aisyl SAGITOVA, Nina KARPOVA

THE INTERNATIONAL THEATRE FESTIVAL “GOSTINY DVOR” WAS FIRST HELD IN ORENBURG IN 1994. THIS FESTIVAL BROUGHT TOGETHER THEATRES THAT UNTIL RECENTLY WERE IN THE COMMON CULTURAL SPACE OF A UNITED COUNTRY. THE FESTIVAL WAS HELD INTERMITTENTLY, BUT IN RECENT YEARS IT TOOK PLACE EVERY YEAR: ONE YEAR IS DEVOTED TO PUPPET THEATRES, ANOTHER TO MUSICALS AND DRAMA PERFORMANCES.

“Crazy Money”

The current XI Gostiny Dvor International Theatre Festival in Orenburg was dedicated to the 275th anniversary of the Orenburg province and the 85th anniversary of the region.

In the Wake of Pushkin

The main theatre gift for this anniversary and the main event of the festival was the “Captain’s daughter” of the Orenburg drama staged by Rifkat Israfilov. Orenburg has many connections to Pushkin, although he only worked here for three days – he came to study archival materials related to the Pugachev uprising, and visited the Cossack settlement Berdy, which was the centre of the rebel army: it was the place from where atamans departed for long crusades. In Berdy he met with a Cossack woman who saw and knew Pugachev, her stories then formed the basis of “The History of Pugachev” and “The Captain’s Daughter”. Therefore, the performance of the Orenburg theatre is perceived here in a special way – the place leaves its mark. The performance involves the entire troupe of the theatre, as well as students of the Orenburg Institute of Arts named after Leopold and Mstislav Rostropovich. The director staged a large-scale performance with a video-projection of a blizzard. Blizzard does not only symbolize winter, piercing, cold Orenburg winds, but also bloody riot that destroys everything that steps on its way. It is by no means accidental that the main idea of the performance coincides with the words of Pushkin: “God forbid to see the Russian rebellion – meaningless and merciless”.

The theme of historical memory was continued by the performance of the Bashkir Academic Drama Theatre named after Gafuri, winner of the First Special Jury Award “The Golden Mask” “Zuleikha opens her eyes” based on the novel by Guzel Yakhina adapted for stage by Yaroslava Pulinovich. Director Ayrat Abushakhmanov created a tragic, sublime performance about love and freedom. He used a myth to tell history of the 1930s repressions.

Solved in dark colours, open wide and deep (we see all stage machinery), the space created by the artist Albert Nesterov sparkles and shimmers with frosty silver on the clothes of the characters and on the black stripes hanging from above – Siberian trees, and, perhaps, mutilated human destinies. The performance balances on the verge of a fairy tale and a documentary,

drifts between dreams and reality.

On the contrary, moderately emotional performance was shown by the Samara Academic Drama Theatre named after M. Gorky “Corsican” Jiri Gubach. Despite the declared genre of romantic comedy, the director Valery Grishko undoubtedly poses a philosophical drama about the last days of Napoleon. He states that any fame is perishable and short-lived, and human life is priceless. The Tatar Academic Theatre named after Kamala in the play of the young director Aidar Zabbarov “And Is This Life?..” based on the prose of the Tatar classic Gayaz Iskhaki, where the main character Halim (Iskander Khayrullin) starts with naive, childish perception of life, then matures and reaches absolute impoverishment of the soul. The laconic stage designed by Bulat Ibragimov with three lampposts and dusty braces of hay. The rays of searchlights penetrating through the fog, snow slowly falling take the audience into the atmosphere of a cold winter evening. Then we are taken to hot summer haymaking, then the stage becomes completely empty and in the finale, sitting on the foreground, the main character bitterly realizes that life was in vain.

An interesting performance “Five

“Zheleznova Vassa Mother”

Evenings" directed by Denis Khusniyarov was shown at the Chelyabinsk Drama Theatre named after Orlova. It is performed in two moving squares – two split worlds with empty windows and with Khrushchev's walls (set design and costumes by Alexander Mokhov and Maria Lucca). The performance gradually fills with warmth and light. The actors manage the squares themselves – passionately revolve around them when Tamara (Tatyana Vlasova) suddenly realizes that she is in love again; or place the squares in front of the audience when someone makes a choice in favour of Ilyin (Vladislav Kochenda).

Orsk State Drama Theatre named after Pushkin presented the phantasmagoria "Death of Tarelkin # foolish fools" by Sukhovo-Kobylin, directed by Dmitry Sarvin, who placed the characters of the play at the bottom of the world with a staircase leading upwards, from which a piece of blue sky and someone observing the pupil's eye are visible. The entire performance Tarelkin (Dmitry Belich) is trying to get out (or wake up) from this strange dream, where even his dream – a girl with an umbrella – turns into a monster.

The image of Varravin (Aleksey Malanyin) is terrifying. He resembles the most cruel dictator of the twentieth century – not tall, stooped, with sleek locks of hair and a moustache – he moves slowly and appears imperceptibly, frightening everyone, he speaks quietly, almost in a whisper.

Orenburg State Tatar Drama Theatre named after Fayzi pleased the audience with the national musical melodrama "Ak kalfak" (director Bulat Badriev). Buguruslan city Drama Theatre named after Gogol offered a comedy by E. Kishon "Marriage contract" (director Vyacheslav Sorokin). The festival program consisting mainly of classics was diluted by the performance by Dmitry Danilov's acute social play "The Man from Podolsk" – performance by graduate students of the Orenburg Institute of Arts (course of Rifkat Israfilov).

Moreover, students of the Russian Institute of Theatre Arts – GITIS (Moscow) brought Ostrovsky's "Crazy Money" (directed by Vladimir Bayscher). They transferred the scene of the play to modern times. The festival also included educational master classes on stage speech by Irina Promtova, the laboratory of the acting profession

by Yuri Alshits, the director's laboratory by Rifkat Israfilov. A special guest of the festival was the Japanese Theatre "Bottyan" (Matsuyama), which showed a video version of the play "The Oath on the Coin".

Aisyl SAGITOVA

Faces of Tragedy

One of the headliners of Gostiny Dvor was the performance of the Sverdlovsk Drama Theatre, staged according to the first version of Vassa by Gorky. In the author's title given by the talented director Ulanbek Bayaliev – "Zheleznova Vassa Mother" three circles and three states of the character are immediately indicated. Using theatrical means of the XXI century, the director explores the phenomenon of a new female type, which appeared at the beginning of the XX century. Zheleznova's life in the play is subordinate to the preservation of her business. In the play, it is abstract – it is not the huge shipping company from the second version of the play, but a mythical oblivion that enslaves the main character. It forces her to commit frauds, murders, forgeries, and ruin the life of children for his sake.

Irina Ermolova's Vassa – is quick, confident and smart. She possesses exquisite beauty of a smart, passionate, suffering and vicious woman. There is something mystical about her, she is in line with Lady Macbeth, Snow Queen, Medea. But the actress boldly breaks beyond the symbolism of the character. She introduces some everyday details into her life, which help to humanise the character. She shares a cigarette from with her daughter, embraces her beloved daughter-in-law, studies the style of someone else's dress. But these details help to create a complete image that will complement her strange communication, similar to pagan worship of a lonely tree standing in the back of the stage.

Artist Eugene Shutin created a unified stage space for the performance – a glass house where Vassa dominates, even when it is not present. Transparent walls with hoarfrost suggest not only a system of general inspection, but intentionally fix this constant control. The life of the remaining members of a large family is hidden from prying eyes, on the stage there are only echoes of what happens to her strange, painful children – the hunchback Pavel (Igor Kozhevnikov) and the defective Semen (Anton Zolnikov).

Each of them has detailed scenes filled

with everyday life and passionate torment, not only connected to their mother, but also with their own share of tragic guilt and responsibility. It's important for the director that all of them have a dream. And how these eternal children, who have not become full-fledged men, come to life, when they say what will happen after the collapse of the business...

And there will be nothing – only silence... and the divine music of Faustas Latenas.

* * *

It is not the first time Kazakh Music and Drama Theatre named after K. Kuanyshbaeva comes to the festival. Kazakhstan shares a border with Orenburg province, and Orenburg is always happy to host neighbours. Now the theatre is led by Talgat Temenov, director of theatre and cinema. Shakespeare's tragic tension was enriched in his performance by romantic bright colours. The director read the play with reverence, not in a hurry, but unraveled it from tradition. Othello Kuandyk Kystykbaeva is not Moor – a little dark, no more, there is something wild, unbridled, impatient in him that makes him a winner. He knows no defeat. He is outside civilization, powerful, proud and wild, he is a warrior in the prime of life and victories. A young, naive Desdemona – Akmaral Tanabaeva. They are from equal worlds: his world is harsh, simple and flawless, her world is woven from female craftiness, love, joy, friendship.

They can be compared with an eagle and a pigeon, which live in different air streams, and the higher the eagle rises, the easier it is for him to breathe and fly. But for her his height is deathly, she will inevitably no matter why.

Nina KARPOVA

The laboratory of t Yuri Alshits

«Туганлык»: пора перемен

Нияз ИГЛАМОВ

С 23 по 30 мая 2019 года в столице Башкортостана прошел VII Международный фестиваль тюркоязычных театров «Туганлык» («Родство»). На сценических площадках уфимских театров были показаны 13 спектаклей. Афишу фестиваля составили постановки театров Башкортостана, Татарстана, Азербайджана, Крыма, Гагаузии, Кыргызстана, Тывы, Хакасии, Турции, Казахстана, Республики Алтай.

«Туганлык» – один из немногих фестивалей-долгожителей на постсоветском пространстве. Он стал первым международным смотром национального театра в стране, возникнув перед самым распадом СССР – в 1991 году. Идея создания фестиваля принадлежала главному режиссеру Башкирского академического театра имени М. Гафури Рифкату Исрафилову. Однако вскоре режиссеру пришлось покинуть Башкортостан и возглавить Оренбургский театр, а проведение фестиваля легло на плечи республиканского Министерства культуры, что со временем привело к стагнации форума. Достаточно сказать, что перерывы между фестивалями иногда составляли по шесть лет, а всего за почти 30-летнюю историю смотра Уфа принимала родственные по языку театры лишь 7 раз. Удручающая картина, особенно на фоне стремительного роста и развития других фестивалей национального театра. Театры тюркских народов стали раз в два года собираться в Казани на «Наурузе», финно-угорские – на «Майатуле» в Йошкар-Оле, монголо-язычные – на «Алтан Сэргэ» в Улан-Удэ. Все же идеальная для любого фестиваля ситуация, когда органы власти передают его в оперативное управление подведомственным коллективам. Почти в любом министерстве текучка кадров, свои дела, отчеты, организация множества мероприятий, им масштабные фестивали лишь обуза.

Но настало время, когда у руля театра Гафури стал широко известный в российских театральных кругах актер и режиссер Олег Ханов, самоотверженно принявшийся ломать систему. Так, на предпоследнем фестивале в 2017 году была озвучена идея проводить «Туганлык» силами ведущего театра республики регулярно раз в два года, а республиканское руководство поддержало эту давно напрашивающуюся мысль. Поэтому седьмой «Туганлык» стал переломным моментом новейшей истории.

Не только кратности проведения коснулись реформы. Традиционно на «Туганлыке» работало две команды – Коллегия критиков, обсуждавшая спектакли, и Жюри, раздающее призы. И довольно часто мнения двух групп театральных деятелей расходились.

Афиша же составлялась из спектаклей театров готовых приехать на фестиваль, отбора заявок не происходило. Случалось, что наряду с выдающимися произведениями театров тюркского мира в программе участвовали спектакли, откровенно слабые, эдакие «домашние радости», которые критики громили, а Жюри, дабы не портить атмосферу праздника, награждало призами за победу в дежурных или наспех сочиненных номинациях: «за сохранение традиций», «за самобытность», «за обращение к национальной классике» etc.

Теперь теоретиков и практиков театра объединяет работа в едином Экспертном совете: режиссеры, театроведы, актеры с разных ракурсов и позиций обсуждают постановки, а затем коллегиально принимают решение о награждении победителей, а за афишу отвечает программный директор фестиваля. В этом году им стала театровед, кандидат искусствоведения Айсылу Сагитова. Именно она разрушила губительный для развития фестиваля принцип «все флаги в гости будут к нам».

Здесь надо сказать несколько слов о сути проблемы. Театр тюркского мира – крайне условное понятие. Художественный уровень театров отличается весьма существенно. За исключением Турции, где много самых разных театров, огромной азербайджанской

диаспоры Ирана, и тюрков Синьцзян-Уйгурского автономного округа КНР, где с театром большие проблемы, большинство тюркских народов традиционно проживают в границах бывшего СССР. Именно географическая и профессиональная разноликость постсоветских тюрков придает тюркскому языковому сообществу его уникальную культурную пестроту. Здесь не место рассуждать о национальной политике в Российской Империи и СССР. Заметим лишь, что множество национальных театров тюркских народов появилось на рубеже 1980–90 гг., что, конечно же, симптоматично. Так, был воссоздан старейший театр крымских татар, впервые возник театр у гагаузов, каракалпаков, хакасов, некоторых тюркских народов Северного Кавказа. За прошедшие десятилетия казахские и киргизские театры прочно заняли лидерские позиции в Средней Азии, а туркменские и узбекские – в силу определенной изоляции этих стран при бывших руководителях – отстали в развитии. Мучительно нащупывает свой путь азербайджанский театр. Некогда знаменитый

чувацкий театр сегодня в определенном упадке. А магистральные театральные тенденции, во всяком случае в России, определяют сегодня театры и режиссеры Якутии, Башкортостана и Татарстана.

Есть еще одна проблема. Говоря, например, о казахском театре, приходится иметь в виду несколько десятков самобытных коллективов. В других республиках всего по одному театру. А Положение о фестивале четко ограничивает участие лишь одного коллектива от каждой страны-республики. И поэтому при ином раскладе великому спектаклю из Казахстана сложнее попасть в конкурс, чем скромной работе из Гагаузии или Кабардино-Балкарии. Разобраться с этой пестротой и разнообразием, не обидев театры малых народов, но и не утратив здравого смысла, под силу лишь серьезному специалисту. И для первого опыта подобной работы критик из Уфы справилась почти идеально.

Открылся фестиваль одной из самых значительных работ театра Гафури последних лет, «золотомасочным» спек-

таклем «Зулейха открывает глаза» Айрата Абушахманова. Роман неоднозначно приняли на родине автора, но постановщик ушел от споров об аутентичности героев и ситуаций, перенес действие первой части в башкирскую деревню. Вообще, деревенские сцены и критика нравов в семье героини не сильно интересовали постановщика. Его «Зулейха» прежде всего жесткое и бескомпромиссное высказывание о человеческих судьбах, исковерканных тоталитарной системой, в лучших моментах действия поднимающееся над исторической конкретикой сталинских репрессий к обобщающим метафорам любого произвола власти вообще. Тему власти, упоения ей, в спектакле озвучивает Артур Кунакбаев в роли Зиновия Кузнецова: страшного, циничного, безжалостного деспота, маленького царька-самодура. На контрасте с ним особый вес и объем в трактовке режиссера приобретает образ энквэдэшника Игнатова, который проходит долгий путь от человекоподобной машины по подавлению и унижению других людей к павшему ангелу революции, чей жертвенный поступок одновременно и спасает сына Зулейхи, и лишает его корней. Образная система спектакля не предполагает морализаторства и проповедничества. Но вывод горек: йусуфам можно уцелеть лишь став иосифами.

Татарский академический театр имени Г. Камала привез дипломный спектакль «И это жизнь?..» Айдара Заббарова, ученика Сергея Женовача, по мотивам произведений классика татарской литературы Гаяза Исхаки, имя которого («белоэмигрант», «буржуазный националист») было под запретом

более семидесяти лет. Коротко – спектакль о смысле жизни, о предательстве человеком идеалов юности, смирении и успокоении в неспешном быте, комфорте, уюте. А долгий разговор о работе молодого постановщика с мощной группой предполагает анализ множества штрихов и деталей, из которых ткется сценическое полотно, где сюжетные ответвления и вставки из других текстов придают всеобъемлемость обыкновенной истории о татарском интеллигенте-приспособленце. В финальной сцене исполнитель главной роли Искандер Хайруллин демонстрирует филигранную технику перевоплощения из бунтаря в обывателя, а затем в раздавленное жизнью человеческое существо, лишенное каких-либо свойств.

Стерлитамакский башкирский театр представил драматическую повесть «Таганок» по произведению Мустая Карима в постановке Антона Федорова, ученика Юрия Погребничко. Пронзительную историю о взрослении, рассказанную от лица маленького мальчика из послевоенной башкирской деревни. В Стерлитамаке отличная труппа, и постановщик умело использует все возможности актеров. Ансамблевая игра подкупает внешней простотой и искренностью, истовой верой в предлагаемые обстоятельства, мастерским умением создавать не только центральные образы, но и застраивать сюжетную периферию. На небольшом сценическом станке и авансцене создается полная иллюзия симультанности, непрекращающегося действия. Этой же цели служит раздвоение трех главных героев-мальчишек, которых попеременно, а иногда и вместе, играют взрослые актеры и дети. Спектакль выстроен как музы-

Tuganlyk: time of change

Niyaz IGLAMOV

FROM MAY 23RD TO 30TH, 2019, THE VII INTERNATIONAL FESTIVAL OF TURKIC-SPEAKING THEATRES "TUGANLYK" ("KINSHIP") WAS HELD IN THE CAPITAL OF BASHKORTOSTAN. 13 PERFORMANCES WERE SHOWN AT UFA THEATRES. THE FESTIVAL'S POSTER WAS CREATED BY THE THEATRES OF BASHKORTOSTAN, TATARSTAN, AZERBAIJAN, CRIMEA, GAGAUZIA, KYRGYZSTAN, TUVA, KHAKASSIA, TURKEY, KAZAKHSTAN, AND THE ALTAI REPUBLIC.

кальное произведение, где важен каждый голос, его способность звучать в унисон и неслиянность в общем хоре. Когда говорят о классическом психологическом театре, давно размытом понятии, вероятнее всего имеют в виду такие вот спектакли, полные наивной, детской радости и печали, правдой актерской игры.

Три этих спектакля забрали почти все главные награды фестиваля. «Таганок» – Гран-при, лучшую сценографию (Антон Федоров) и женскую роль второго плана (Ниса Бакирова). «Зулейха» получила лучшую женскую роль (Ильгиза Гильманова) и мужскую роль второго плана (Артур Кунакбаев). Камаловцы увезли в Казань призы за лучшую режиссуру и лучшую мужскую роль. Приз Президента фестиваля (Рифката Исрафилова) – еще одно нововведение – достался исполнителю главной роли в спектакле Хакасского театра имени А. Топанова «Старик и море» Виктору Кокову. В номинации «Лучшее музыкальное оформление» победил этнический мюзикл «Чадаган» Тувинского театра имени В. Кок-Оола об одноименном

старинном инструменте. Спектакль «Ромео и Джульетта» из Акмолинского Казахского театра имени Ш. Хусаинова был отмечен в номинации «Лучшая хореография». Специальных призов удостоились и другие коллективы. Ярким событием стал спектакль по алтайской легенде «Чейнеш» театра имени П. Кучияк, запомнился азербайджанский иммерсивный спектакль независимого театра «dOM», поразила точностью актерской игры и раскрытием темы спектакль «Лавина» Кыргызского ТЮЗа. Почти все фестивальные работы отличал высокий уровень постановочной и исполнительской культуры. Но драматургию фестиваля, его тон, задали два башкирских и один татарский спектакль. И это уже история. В следующий раз все будет иначе. А если организаторы «Туганлыка» вовсе откажутся от призовой системы, то, возможно, театральное сообщество братских народов только выиграет. Впрочем, не нам решать. А пока удовлетворимся резким качественным рывком, который совершил Международный театральный фестиваль тюркоязычных народов «Туганлык».

“Tuganlyk” is one of the few long-lived festivals in the post-Soviet space. It became the first international show of the national theatre in the country, having arisen just before the collapse of the USSR – in 1991. The idea of the festival belonged to Rifkat Israfilov – the main director of the Bashkir Academic Theatre named after M. Gafuri. However, the director had to leave Bashkortostan and head the Orenburg Theatre, and the festival fell on the shoulders of the Republican Ministry of Culture, this series of events eventually led to stagnation of the festival. Gaps between festivals sometimes reached six years, and for almost 30-year history of the festival Ufa hosted only 7 language related theatres. A depressing picture, especially considering rapid growth and development of other festivals of the national theatre. The theatres of Turkic peoples began to come together every two years in Kazan on “Nauruz”, Finno-Ugric – on “Mayatula” in Yoshkar-Ola, Mongolian-speaking – on “Altan Serge” in Ulan-Ude. Nevertheless, the best case scenario for any festival is when the authorities transfer all

the rights to the operational management of subordinate groups. In almost any ministry, staff turnover, internal affairs, reports, the organization of many events, large-scale festivals is only a burden for them.

But the time has come when the actor and director Oleg Khanov stood at the helm of the Gafuri. He is widely known in Russian theatre circles as a person who selflessly tried to change the system. So, at the penultimate festival in 2017, it was decided to conduct “Tuganlyk” by the leading theatre of the republic on regular basis every two years, and the republican leadership supported this long-standing idea. Therefore, the seventh “Tuganlyk” was a turning point in modern history.

The reform did not only cover the timing. Traditionally, two teams worked at Tuganlyk: the College of Critics, which discussed the performances, and the Jury, which distributed prizes. And quite often the opinions of the two groups of theatrical figures differed. The poster, however, was compiled from the performances of theatres ready to come to the festival; applications were not selected. There were cases when along with the outstanding performances

of the Turkic world, the program included performances that were frankly weak, a kind of “home joy” that critics smashed, and the Jury, in order not to spoil the atmosphere of the holiday, awarded prizes for such nominations as: “preservation of traditions”, “for originality”, “for addressing national classics” etc.

Now theorists and practitioners of the theatre are united by work in a single Expert Council: directors, theatre experts, actors from different angles and positions discuss the performances, and then collectively decide on awarding the prizes, and the program director of the festival is responsible for the poster. This year, he became a theatre expert, PhD of art Aislyu Sagitova. It was she who destroyed the principle “all flags will be with us” that was disastrous for the development of the festival.

Here I must say a few words about the essence of the problem. The theatre of the Turkic world is an extremely conventional concept. The artistic level of theatres differs quite significantly. With the exception of Turkey, where there are many different theatres, the huge Azerbaijani diaspora of Iran, and the Turks of the Xinjiang Uygur Autonomous Region of the PRC, where there are big problems with the theatre, most of the Turkic peoples traditionally live within the borders of the former USSR. It is the geographical and confessional diversity of the post-Soviet Turks that gives the Turkic language community its unique cultural diversity. This is not the place to talk about national politics in the Russian Empire and the USSR. We only note that many national theatres of Turkic peoples emerged at the turn of 1980-90, which, of course, is symptomatic. So, the oldest theatre of the Crimean Tatars was recreated, the

theatre first appeared among the Gagauz, Karakalpaks, Khakasses, some Turkic peoples of the North Caucasus. Over the past decades, the Kazakh and Kyrgyz theatres have firmly taken leadership positions in Central Asia, and the Turkmen and Uzbek theatres, due to the isolation of these countries under the former leaders, have lagged behind in development. The Azerbaijani theatre painfully gropes its way. The once-famous Chuvash theatre is in a certain decline today. And the main theatrical trends, at least in Russia, are determined today by the theatres and directors of Yakutia, Bashkortostan and Tatarstan.

There is one more problem. Speaking, for example, about the Kazakh theatre, we have to keep in mind several dozen distinctive groups. In other republics, there is only one theatre. And the Regulation on the Festival clearly limits the participation of only one team from each country-republic. And therefore, in a different scenario, a great performance from Kazakhstan is more difficult to get into the competition than a modest work from Gagauzia or Kabardino-Balkaria. To deal with this diversity of not offending the theatres of small nations, but without losing common sense, it is only possible serious specialists. And for the first experience of such work, the critics from Ufa managed almost perfectly.

The novel was ambiguously accepted by the author's homeland, but the director avoided disputes about the authenticity of the characters and situations, transferring the action of the first part to the Bashkir village. In general, the village scenes and criticism of morals in the heroine's family were not very interesting for the director. His "Zuleikha" is primarily a harsh and uncompromising statement about human destinies, distorted by totalitarian system, in the best moments of action rising above the historical specifics of Stalin's repressions to generalizing metaphors of any arbitrary rule of power in general. The theme of power, rapture to power, in the play is voiced by Arthur Kunakbaev in the role of Zinovy Kuznets: a terrible, cynical, ruthless despot, a little tsar-tyrant. In contrast with him, the director's interpretation of the weight and volume acquires the image of NKVD officer Ignatov, who goes a long way from a human-like machine to suppress and humiliate other people to the fallen angel of the revolution, whose sacrificial act at the same time saves Zuleyha's son and robs him of his roots. The figurative system of the performance

does not imply moralization and preaching. But the conclusion is bitter: the Yusuf can only survive by becoming Joseph.

The Tatar Academic Theatre named after G. Kamal brought the thesis performance "And is this life?." by Aidar Zabbarov, a student of Sergei Zhenovach, based on the works of the classic of Tatar literature Gayaz Iskhaki, whose name ("white emigrant", "bourgeois nationalist") was banned for more seventy years. Briefly – a play about the meaning of life, about a person's betrayal of the ideals of youth, humility and tranquility in a leisurely way of life, comfort, coziness. A long conversation about the work of a young director with a powerful troupe involves an analysis of the many details from which the stage canvas is woven, where the plot branches from other texts give the comprehensiveness of an ordinary story about a Tatar intellectual-adaptation. In the final scene, the leading actor Iskander Khairullin demonstrates the filigree technique of transforming from a rebel into a layman, and then into a human being crushed by life, devoid of any properties.

The Sterlitamak Bashkir Theatre presented the dramatic novel "Taganok" based on the work of Mustai Karim directed by Anton Fedorov, a student of Yuri Pogrebnychko. The piercing story of growing up, told on behalf of a little boy from the post-war Bashkir village. An excellent troupe, and the director skillfully uses all the possibilities of the actors. The ensemble game captivates with its external simplicity and sincerity, sincere faith in the proposed circumstances, masterful ability to create not only central images, but also to build up the plot periphery. On a small stage a complete illusion of simultaneism and continuous action is created. The same goal is served by the bifurcation of the three main heroes of the boys, who are alternately, and sometimes together, played by adult actors and children. The performance is created as a piece of music, where every voice is important, its ability to sound in unison and fusion in a common choir. When talking about the classical psychological theatre, a long-vague concept, they most likely mean such performances full of naive, childish joy and sadness, the truth of the acting.

Three of these performances took almost all the main awards of the festival. "Taganok" – Grand Prix, best scenography (Anton Fedorov) and female supporting role (Nisa Bakirova). Zuleikha received the prize for the best female role (Ilgiz Gilmanova) and the male supporting role (Arthur Kunakbaev). Kamalovtsy took prizes for the best directing and best male role to Kazan. The prize of the President of the Festival (Rifkat Israfilov) – another innovation – went to Viktor Kokov, the leading actor in the play by A. Topanov's Khakass Theatre named after A. Topanov. The prize for "The Best Musical Design" was awarded to the ethnic musical

"Chadagan" of the V. Kok-Ool Tuvan Theatre of the eponymous instrument of the same name. The performance "Romeo and Juliet" from the Akmola Kazakh Theatre named after Sh. Khusainov was awarded for "Best Choreography". Other teams also received special prizes. A spectacular event was the performance of the Altai legend "Cheynesh" of the P. Kuchiyak Theatre, the Azerbaijani immersive performance of the independent theatre "dOM" was remembered, the performance of the "Avalanche" of the Kyrgyz Youth Theatre struck with the accuracy of the acting and the theme. Almost all festival works featured a high level of staging and performing culture. But the dramaturgy of the festival, its tone, was set by two Bashkir and one Tatar performance. And this is history. Next time everything will be different. And if the organizers of Tuganlyk completely abandon the prize system, then perhaps the theatre community of fraternal peoples will only win. However, it is not for us to decide. In the meantime, we are grateful for sharp quality of the Tuganlyk International Theatre Festival of Turkic-speaking Peoples.

Смех сквозь слезы

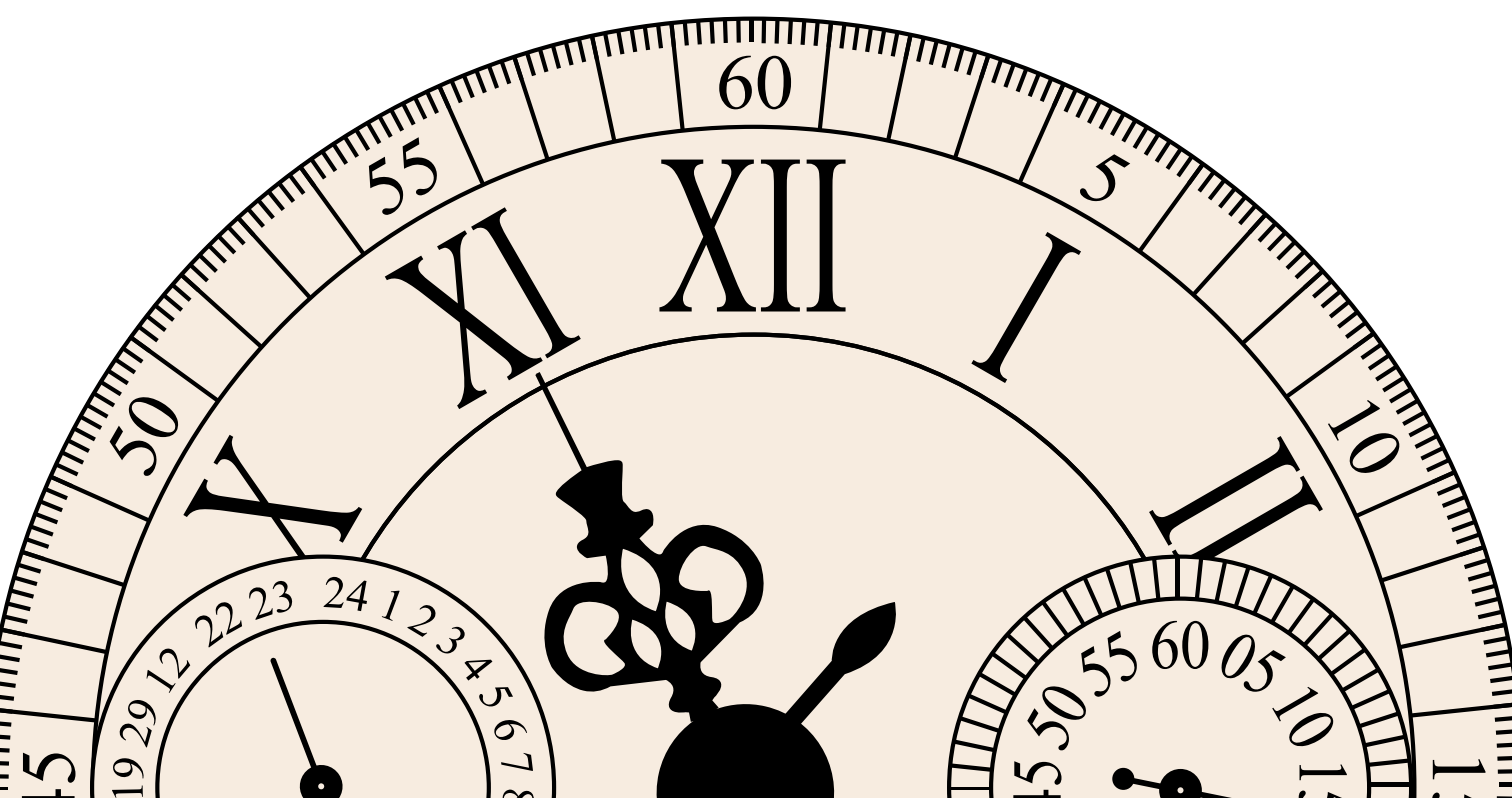
Анна ЧЕПУРНОВА

Муза пламенной сатиры, которую призывал еще Александр Пушкин, часто приходила на помощь, когда другие средства борьбы с недостатками существующего строя оказывались бессильны. Произведения Александра Сухово-Кобылина, поразившие общество в середине XIX века, оказались актуальны и сто лет спустя – экранизация одного из них стала последней режиссёрской работой Эраста Гарина в кино. Постановка пьесы «Тени» великого сатирика Михаила Салтыкова-Щедрина режиссером Алексеем Диким в 1953 году принесла большую головную боль цензуре того времени. За свои сатирические стихи оказался в ссылке драматург Николай Эрдман, а его возлюбленная, актриса Ангелина Степанова, ездила в Енисейск навестить его. В разгар НЭПа родился Московский театр Сатиры, и, самое интересное, что ему удалось пережить самые мрачные сталинские времена, и к своему столетию он приближается в полном здравии...

Smiling Through Tears

Anna CHEPURNOVA

MUSE OF FIERY SATIRE CALLED BY PUSHKIN OFTEN CAME TO THE RESCUE WHEN OTHER MEANS OF STRUGGLE WITH THE SHORTCOMINGS OF THE EXISTING SYSTEM TURNED USELESS. WRITINGS OF SUKHOVO-KOBYLIN WHICH ASTONISHED THE SOCIETY IN THE MIDDLE OF XIX CENTURY PROVED THEIR RELEVANCE A HUNDRED YEARS AFTER. AN ADAPTATION OF ONE OF THEM BECAME THE LAST DIRECTORIAL WORK OF ERAST GARIN IN CINEMA. THE PRODUCTION OF THE PLAY "SHADOWS" BY THE GREAT SATIRIST MIKHAIL SALTYKOV-SHCHEDRIN DIRECTED BY ALEXEI DIKIY IN 1953 BROUGHT A BIG HEADACHE TO THE CENSORSHIP OF THE TIME. THE PLAYWRIGHT NIKOLAI ERDMAN TURNED IN EXILE FOR HIS SATIRICAL POEMS. HIS FRIEND ANGELINA STEPANOVA WENT TO ENISEYSK TO SEE HIM. THE MOSCOW THEATRE OF SATIRE WAS BORN AT THE HEIGHT OF THE NEP AND IT COULD SURVIVE IN THE DARKEST STALIN TIMES.

17 (29).09.1817
202 ГОДА НАЗАД

РОДИЛСЯ АЛЕКСАНДР СУХОВО-КОБЫЛИН

Он принадлежал к богатой и родовитой дворянской семье. Его отец был предводителем дворянства Подольского уезда Московской губернии, где владел селом Воскресенское. Там прошло детство Александра, а в 16 лет он поступил на физико-математическое отделение философского факультета Московского университета. В годы учёбы дружил с Александром Герценом и Николаем Огарёвым. Свою первую и самую популярную пьесу «Свадьба Кречинского» Сухово-Кобылин создал, когда ему уже было за тридцать, и он находился под следствием в деле об убийстве своей любовницы Луизы Симон-Деманш.

ALEXANDER SUKHOVO-KOBYLIN WAS BORN

He belonged to a rich and noble family. His father was the leader of the nobility of the Podolsky district of the Moscow province, where he owned the village of Voskresenskoye. Alexander's childhood passed there, and at the age of 16th he entered the Physics and Mathematics Department of the Philosophy Faculty of Moscow University. During his studies, he was friends with Alexander Herzen and Nikolai Ogaryov. Sukhovo-Kobylin created his first and most popular play "Krechinsky's Wedding" when he was already over thirty, and he was under investigation in the murder case of his mistress Louise Simon-Demansh.

3 (16).11.1900
119 ЛЕТ НАЗАД

РОДИЛСЯ НИКОЛАЙ ЭРДМАН

Будущий драматург появился на свет в Москве. Его отец, Роберт Карлович, обрусевший балтийский немец и лютеранин по вероисповеданию, работал бухгалтером фабрики «Товарищества шёлковой мануфактуры». В девять лет Николай начал писать стихи. Он окончил Петропавловское реальное коммерческое училище, и очень рано примкнул к группе имажинистов, благодаря своему брату, художнику Борису Эрдману, дружившему с Сергеем Есениным и Анатолием Мариенгофом. В 24 года Николай Эрдман написал свою первую пьесу «Мандат», принесшую ему признание.

NIKOLAI ERDMAN WAS BORN

The future playwright was born in Moscow. His father, Russified Baltic German and Lutheran by religion, Robert Erdman worked as an accountant of the factory "Association of silk manufactory". Nicolai started writing poetry at nine. He graduated from the Petropavlovsk Real Commercial School and very early joined a group of imaginalists due to his brother, a painter Boris Erdman who was friend of Sergey Esenin and Anatoly Marienkhof. At the age of 24 Nikolai Erdman wrote his first play "Mandate" which brought him recognition.

10 (23).11.1905
114 ЛЕТ НАЗАД

РОДИЛАСЬ АНГЕЛИНА СТЕПАНОВА

Она родилась в городе Николаевске, где ее отец работал страховым агентом. Семья переехала в Москву, когда девочке было три года. Родители Ангелины любили ходить в театр, и часто брали дочь с собой. Сама девочка знала очень много стихов и обожала их декламировать перед родными. В 1921 году Степанова поступила в театральную школу при 3-й Студии МХТ, решение принять ее туда принадлежало Евгению Вахтангову, сказавшему: «Упрямая девчонка. Мы не возьмем – она еще куда-нибудь пойдет». После окончания учебы её пригласили в труппу Московского Художественного театра.

ANGELINA STEPANOVA WAS BORN

She was born in Nikolaevsk, where her father worked as an insurance agent. The family moved to Moscow when the girl was three years old. Angelina's parents loved to go to the theatre, and often took her daughter with them. The girl herself knew a lot of poems and loved to recite them in front of family. In 1921, Stepanova entered the theatre school at the 3rd Studio of the Moscow Art Theatre, the decision to take her there belonged to Eugene Vakhtangov who said: "She is a stubborn girl. If we won't take her she'll go somewhere else." She was invited to the troupe of the Moscow Art Theatre after graduation.

13.10. (30.09) 1908
111 ЛЕТ НАЗАД

ПРЕМЬЕРА СПЕКТАКЛЯ «СИНЯЯ ПТИЦА» В МОСКОВСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕАТРЕ

Это была первая в мире постановка пьесы Мориса Метерлинка, написанной в 1905 году. Перед началом репетиций Станиславский даже съездил в гости к автору, жившему в то время в Нормандии. Тому понравилась мысль русского режиссера о том, что постановка «Синей птицы» должна проходить на фантазию ребенка, и быть призрачной, как мечта или детский сон. Премьера имела колоссальный успех. «Синюю птицу» играют во МХАТе им. М. Горького до сих пор, и бабушки, которые в детстве смотрели этот спектакль, теперь приводят на него своих внуков.

PREMIERE OF THE PLAY "BLUE BIRD" AT THE MOSCOW ART THEATRE

It was the world's first production of the play by Maurice Maeterlinck, which he wrote in 1905. Before starting work on the play, Stanislavsky even went to visit the author, who lived at that time in Normandy. Maeterlinck liked the idea of the Russian Director that the production of "Blue bird" should be like a child's fantasy, and be phantasmal, like a child's dream. Stanislavsky managed to realize his plan on stage, and the premiere was a huge success. "Blue bird" still is played in the Moscow Art Theatre named by Gorky, and grandmothers, who watched this show in their childhood, now bring their grandchildren.

01.19.1924
95 ЛЕТ НАЗАД

ОТКРЫЛСЯ МОСКОВСКИЙ ТЕАТР САТИРЫ

Он открылся в подвальном этаже Дома Нирнзее в Большом Гнездиновском переулке, там, где раньше располагались сначала театр-кабаре «Летучая мышь», а потом театр миниатюр «Кривой Джимми». От них новый театр унаследовал и часть труппы. Его главным режиссером стал Давид Гутман, а первым спектаклем было сатирическое обозрение «Москва с точки зрения», написанное драматургами Виктором Типотом, Николаем Эрмманом и Владимиром Массом. Лозунг Московского театра сатиры звучал так: «Смеяться над тем, что смешно, бичевать все мерзкое, тупое, косное, все, что уродливым наростом торчит из нового советского быта».

MOSCOW SATIRE THEATRE OPENED

It was opened in the basement of the House Niernsee in the Big Gnezdnikovsky lane, previously occupied by the "Bat" theatre-cabaret and the "Crooked Jimmy" theatre of miniatures. The new theatre inherited part of the troupe from them. David Gutman became its first art leader, and the first performance was a satirical review "Moscow from the point of view", written by playwrights Victor Tipot, Nikolai Erdman and Vladimir Mass. The slogan of the Moscow Theatre of Satire was: "to Laugh at what is funny, to scourge everything vile, stupid, stagnant, everything that sticks out like an ugly excrescence from the new Soviet life."

01.10.1955
64 ГОДА НАЗАД

УМЕР АЛЕКСЕЙ ДИКИЙ

Известный актер и режиссер скончался в 66 лет в Москве после долгой болезни. За свою жизнь Алексей Дикий успел поработать во многих театрах, причем не только в нашей стране, но и в Тель-Авиве. Последний свой спектакль «Тени» по пьесе Салтыкова-Щедрина он поставил в Театре им. А.С. Пушкина в 1953 году, и эту постановку долго не решалась одобрить цензура. Также в последние годы Дикий преподавал в Театральном училище им. М.С. Щепкина. Народного артиста похоронили на Новодевичьем кладбище, а через десять лет после его смерти назвали в честь него одну из московских улиц.

ALEXEY DIKIY DIED

The famous actor and director died at 66 in Moscow after a long illness. Alexey Dikiy managed to work in many theatres over his life. Not only in Russia, but also in Tel Aviv. His last play "Shadows" based on the play by Saltykov-Shchedrin. He staged it at the Moscow Pushkin Theatre in 1953. The censorship did not dare to approve this production for a long time. Dikiy taught at the Shchepkin Theatre School during last years of life. The artist was buried at the Novodevichy Cemetery, and ten years after his death, one of the Moscow streets was named after him.

04.11.1959
60 ЛЕТ НАЗАД

ПРЕМЬЕРА «ВАРВАРОВ» В БДТ ИМ. М. ГОРЬКОГО

Эта постановка Георгия Товстоногова стала дебютом в БДТ для двух исполнителей главных ролей: Татьяны Дорониной и Павла Луспекаева. Он до этого работал в киевском Театре русской драмы им. Леси Украинки, она – в Ленинградском театре им. Ленинского комсомола. Известная своей требовательностью актриса называла Луспекаева «идеальным партнером». Вместе с ними в постановке были заняты Владислав Стржельчик, Зинаида Шарко, Евгений Лебедев, Олег Басилашвили. Уже в начале XX века «Варваров» называла своим любимым спектаклем сестра Товстоногова – Нателла, замечая, что он был «удивительным по ансамблю».

THE PREMIERE OF THE PLAY "BARBARIANS" AT BDT

This production of Georgy Tovstonogov became the debut in the BDT for two leading actors – Tatyana Doronina and Pavel Luspekaev. Luspekaev previously worked at the Kiev Theatre of Russian Drama. Doronina played in the Leningrad Lenin's Komsomol Theatre and was known for her exactingness. The actress called Luspekaev "an ideal partner". Vladislav Strzhelchik, Zinaida Sharko, Evgeny Lebedev, Oleg Basilashvili were engaged together with them in the production. It was "amazing ensemble". Tovstonogov's sister Natela called "Barbarians" her favorite performance at the beginning of the 20th century.

05.09.1964
55 ЛЕТ НАЗАД

ПРЕМЬЕРА СПЕКТАКЛЯ «МИЛЛИОНЕРША» В ТЕАТРЕ ИМ. ЕВГ. ВАХТАНГОВА

Эту постановку пьесы Бернарда Шоу на сцене, осуществленную режиссером Александрой Ремизовой, можно было бы назвать своеобразным бенефисом Юлии Борисовой, сыгравшей в спектакле заглавную роль. Годом раньше она блеснула на сцене в образе принцессы Турандот. Миллионерша Эпифания в исполнении актрисы была не менее капризна и взбалмошна, чем китайская правительница, и в той же степени очаровательна. Впрочем, партнеры по сцене у Юлии Борисовой в этом спектакле тоже были чудесными: Юрий Яковлев, Владимир Этуш, Екатерина Райкина.

PREMIERE OF THE PLAY "MILLIONAIRE" AT THE THEATRE E.V. VAKHTANGOV

This performance of the play by Bernard Shaw on stage was performed by director Alexandra Remizova. It could be called a peculiar performance of Julia Borisova. She played the title role in the play. She flashed on stage in the image of Princess Turandot a year earlier. The Millionaire Epiphanius performed by the actress was no less capricious and unbalanced than the Chinese ruler and equally charming. However, the stage partners of Yulia Borisova in this performance – Yuri Yakovlev, Vladimir Etush, Ekaterina Raikina – were also wonderful.

04.09.1980
39 ЛЕТ НАЗАД

УМЕР ЭРАСТ ГАРИН

Любимый ученик знаменитого Всеволода Мейерхольда ушел из жизни в 77 лет в Москве. Последние годы жизни Гарина были тяжёлыми. За 14 лет до смерти, когда он снимал фильм «Весёлые расплюевские дни» и играл в нём главную роль, Гарин попал в аварию, после которой лишился одного глаза, а второй почти перестал видеть. Из-за инвалидности актёр и режиссёр лишился возможности полноценно работать, и очень переживал из-за этого. Теперь его приглашали только на небольшие роли в кино и на озвучание мультфильмов (голосом Гарина говорит грустный ослик Иа в «Винни-Пухе»). Незадолго до смерти артист впал в депрессию и даже перестал разговаривать.

ERAST GARIN DIED

Favorite student of the famous Vsevolod Meyerhold died at the age of 77 in Moscow. The last years of Garin's life were difficult. He lost one eye in accident when he made the film "Funny Razlyuyevsky days" (1966) and played a major role in it. Soon after that the second eye almost stopped seeing too. Due to disability, the actor and film director lost the opportunity to work fully and was very worried about that. Then he was invited only for small roles in the cinema and for voicing cartoons (sad donkey Ia in "Winnie the Pooh" was voiced by Garin). The artist became depressed and even stopped talking before his death.

Анна ЧЕПУРНОВА

В ЭТОЙ РУБРИКЕ МЫ РАССКАЗЫВАЕМ О ЗНАКОВЫХ ИМЕНАХ, ИНТЕРЕСНЫХ СОБЫТИЯХ И ЛЮБОПЫТНЫХ ФАКТАХ, КОТОРЫЕ УПОМИНАЮТСЯ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА. ИНФОРМАЦИЯ АДРЕСОВАНА ГЛАВНЫМ ОБРАЗОМ ИНОСТРАННЫМ ЧИТАТЕЛЯМ, ИНТЕРЕСУЮЩИМСЯ РУССКОЙ ИСТОРИЕЙ И КУЛЬТУРОЙ.

Пьеса «Васса Железнова» Максима Горького

«Оренбург – перекресток культур», стр.

Известны две ее редакции. Первую писатель создал на солнечном Капри в 1910 году, тогда же она вышла отдельной книгой с подзаголовками «Мать», «Сцены». В ней рассказывалось о трагическом распаде семьи, который ее глава – жена пароходчика Васса Железнова – тщетно пыталась предотвратить. В 1911 году драма удостоилась Грибоедовской премии.

Вторую редакцию пьесы Горький написал четверть века спустя, в 1935 году, уже живя в СССР. В произведении появились новые персонажи, например, невестка Вассы, революционерка Рашель. На первый план вышла тема классовый борьбы.

У Вассы Железновой был реальный прототип – купчиха Мария Капитоновна Кашина. Она жила Нижнем Новгороде, родном городе Максима Горького, где до сих пор сохранился дом Кашиной в перестроенном виде. Ее мужа, владельца пароходства, обвинили в растлении малолетних. В процессе судебного разбирательства он умер от «застарелой болезни». После его смерти Кашина возглавила и расширила семейный бизнес:

Максим Горький

купила новые суда, разработала собственные торговые маршруты. В 1900-е годы ее пароходство достигло расцвета, корабли ходили по Волге и Каме. Современники вспоминали Кашину как женщину удачливую в делах и грубоватую. Похоже, она была истинной дочерью своего города, о котором, по словам Горького, в то время говорили: «Дома здесь каменные, а люди – железные». Правда, детям Кашиной ее способности по наследству не передались. Поддержать мать в бизнесе они не смогли, в результате в начале в начале 10-х годов Кашина обанкротилась и продала свое предприятие. Самой ее не стало в 1916 году.

Между тем, пьеса Горького впервые увидела сцену еще в 1910 году, в Новом драматическом театре в Петербурге. А вот премьера второй версии произведения состоялась 5 июля 1936 года, через две недели после смерти Максима Горького. Это была постановка Центрального театра Красной Армии, главную роль в которой сыграла Фаина Раневская. Сильный характер Вассы Железновой сделал эту роль привлекательной для многих знаменитых актрис. Среди ее отечественных исполнительниц на сцене были Серафима Бирман, Вера Пашенная, Елизавета Никищихина, Антонина Шуранова, Татьяна Доронина, Светлана Крючкова, Марина Голуб. В 1953 году пьесу впервые экранизировали в СССР, позже по ней было снято два мини-сериала за рубежом – в ФРГ и во Франции. В советской время в театрах все время шёл второй вариант пьесы, а потом на отечественную сцену вновь вернулась первая редакция этого произведения.

Ельцин Центр

Новости, стр.

Он открылся в родном городе первого президента России в 2015 году, и сразу стал одним из любимых мест досуга екатеринбуржцев. Над сооружением внушительного размера работало архитектурное бюро Бориса Бернасони. Кроме музея Бориса Ельцина, в здании разместились: арт-галерея, театральная платформа и музыкальный клуб, киноконференц-зал, книжный магазин Пиотровский, библиотека, парк научных развлечений, коворкинг. Ельцин Центр привлекает посетителей и тем, что в нем часто проводятся фестивали (например, фестиваль документального кино «Артдокфест»), лекции, выставки и концерты.

Музей Бориса Ельцина председатель правительства России Дмитрий Медведев назвал «первым музеем российской современной политической истории». Его оформлением занималась американская компания Ralph Appelbaum Associates (один из самых известных ее проектов – Музей холокоста в Вашингтоне 1993 года). Концепцию экспозиции по просьбе семьи Юмашевых разработал кинорежиссер Павел Лунгин. «Я считаю, что отношение нашего общества к Ельцину – одно из самых неумных

и неблагодарных, насколько это возможно», – говорил режиссер. – Моим долгом было рассказать его историю». По задумке Лунгина, музей разделен на семь залов, посвященных ключевым дням деятельности первого президента России (например, «Августовский путч», «Рождение Конституции», «Прощание с Кремлем»). Есть здесь и круглая площадка со скамейками, на одной из которых примостился бронзовый памятник герою экспозиции в натуральную величину – это любимое место для селфи посетителей выставки.

Перед зданием иногда проходят митинги. Так, в 2015 году около него прошла пикет-фотовыставка, посвященная событиям 1990-х годов, с девизом «Не дай Бог снова».

В 2017 году Ельцин Центр стал первым в России лауреатом международной премии «Европейский музей года». В наградном дипломе похвалы удостоился дизайн экспозиции, отмечены «выдающийся уровень мультимедийности» и «яркая программа публичных лекций и семинаров».

Тем не менее весной этого года в интернете распространилась информация о возможном сносе Ельцин Центра и постройке храма на его месте. На стихийную акцию протеста против такого предполагаемого сценария событий 16 мая вышло около трехсот человек.

Ельцин Центр

Дом Радио в Санкт-Петербурге

Новости, стр.

В городе на Неве хорошо известен этот красивый особняк на Итальянской улице, являющийся ныне памятником архитектуры. Его создали в 1912–1914 годах для Благородного собрания – клуба мелкопоместного дворянства, купечества среднего класса и чиновничества. В просторных залах, украшенных росписями и скульптурой, сначала очень весело проводили время – устраивали балы и маскарады, литературные чтения, ставили спектакли. Но вскоре началась Первая мировая война, и уже с декабря 1914 года в здании разместили лазарет японского отряда Красного креста. А в 1915 году на втором этаже создали временную православную церковь святого Николая Чудотворца.

В 1918 году бывший дом Благородного собрания заняла организация «Пролетарская культура», в 1924 году в нём открылся еще и кинотеатр «Колосс». В 1933 году здание целиком отдали Ленинградскому радио. В годы блокады оно стало легендарным, потому что даже в самые тяжелые времена не прерывало своего вещания. Радио передавало сигналы воздушной тревоги и звук метронома, который называли биением сердца города. Оно поддерживало в ленинградцах надежду, рассказывая о том, как идут дела

на фронте, передавая постановки радио-театра. 9 августа 1942 года в Большом зале Ленинградской филармонии состоялась премьера Седьмой симфонии Дмитрия Шостаковича, и ее транслировали по радио. Работало даже детское вещание: в начале войны его прекратили, но по просьбам детей Ленинграда скоро восстановили вновь.

Многие сотрудники Дома Радио в годы блокады жили в нем, потому что от голода не могли ходить. Они питались студнем из столярного клея и терпели страшный холод: отопление в городе не работало, а огромные помещения здания на Итальянской улице обогреть буржуйкой было невозможно. Люди осознавали важность своего труда: радио давало людям понять, что город еще не сдан. Бывали особенно суровые времена, например, в январе 1942 года, когда оно прекращало работу на два-три дня. Поэт Ольга Берггольц вспоминала, как однажды после такого затишья в студию пришел какой-то старик с Васильевского острова и сказал, что без работающего радио очень страшно: «Без него лежишь, как в могиле. Совсем как в могиле».

Радиовещание из здания на Итальянской улице продолжалось и после войны вплоть до нашего времени. С 2004 года в Доме Радио также снималось ток-шоу Пятого канала «Открытая студия».

Анна ЧЕПУРНОВА

Anna CHEPURNOVA

UNDER THIS HEADING WE TELL ABOUT SIGNIFICANT NAMES, EXCITING EVENTS AND FACTS MENTIONED IN OUR REVIEW. THIS INFORMATION IS MAINLY ADDRESSED TO FOREIGN READERS WHO ARE INTERESTED IN RUSSIAN HISTORY AND CULTURE.

The play “Vassa Zheleznova” by Maxim Gorky

“Orenburg – cultural crossroads”, p.

It has two editions. The first was created at sunny Capri in 1910, then it came out as a separate book with the subtitles “Mother”, “Scenes”. It showed tragic breakup of the family, the breakup that the wife of the shipman Vassa Zheleznova – rigorously tried prevent. In 1911, the drama was awarded the Griboedov Prize. Gorky wrote the second edition of the play a quarter of a century later, in 1935, already living in the USSR. New characters appeared in the work for example Vassas’ daughter-in-law revolutionary Rachelle. The theme of class struggle has come to the fore.

Vassa Zheleznova had a real prototype – the tradeswoman Maria Kapitonovna Kashina. She lived in Nizhny Novgorod where Maxim Gorky was born and Kashina’s house is still preserved in a rebuilt condition. Her husband who was the owner of the shipping company was accused of child molestation. During the trial he died of a “chronic disease”. After his death, Kashina headed and expanded the family business: she bought new ships, developed her own trade routes. In the 1900s, the shipping company reached its peak, ships traveled along the Volga and Kama. Contemporaries recalled Kashin as a successful business woman but quite rude. It seems that she was the

true daughter of her city, about which, according to Gorky, at that time they said: “The houses here are made of stone, and the people are made of iron”. Kashina’s children did not inherit her abilities. They could not support their mother in business, as a result, at the beginning of the early 10s, Kashina went bankrupt and sold her company. She herself died in 1916.

Meanwhile, Gorky’s play first saw the stage back in 1910, at the New Drama Theatre in St. Petersburg. But the premiere of the second version of the work took place on July 5, 1936, two weeks after Maxim Gorky’s death. It was a production of the Central Theatre of the Red Army, in which Faina Ranevskaya played the main role. The strong character of Vassa Zheleznova made this role attractive to many famous actresses. Among her domestic performers on stage were Serafima Birman, Vera Pashennaya, Elizaveta Nikishikhina, Antonina Shuranova, Tatyana Doronina, Svetlana Kryuchkova, Marina Golub. In 1953, the play was first filmed in the USSR, later on two short mini-series were made abroad – in Germany and in France. In Soviet times, the second version of the play went on in theatres all the time, and then the first edition of this work returned to the domestic scene much later.

Yeltsin Centre

News, p.

It opened in the hometown of the first president of Russia in 2015, and immediately became one of the favorite places of leisure for Yekaterinburg residents. An architectural bureau of Boris Bernasconi worked on the construction of an impressive size. In addition to the Boris Yeltsin Museum, the building also hosts: an art gallery, a theatre platform and a music club, a cinema and conference room, the Piotrovsky bookstore, a library, a scientific amusement park, and coworking. The Yeltsin Centre also attracts visitors by the fact that it often hosts festivals (for example, the Documentary Film Festival “Artdocfest”), lectures, exhibitions and concerts.

The Boris Yeltsin Museum, Russian Prime Minister Dmitry Medvedev called “the first museum of Russian modern

Дом Радио

political history". Its design was done by the American company Ralph Appelbaum Associates (one of its most famous projects is the 1993 Holocaust Museum in Washington). Upon the request of the Yumashev family, the concept of the exposition was developed by film director Pavel Lungin. "I believe that the attitude of our society towards Yeltsin is as stupid and ungrateful as possible," said the director. "My duty was to tell his story".

As conceived by Lungin, the museum is divided into seven rooms devoted to key days of the first president of Russia (for example, the August Coup, Birth of the Constitution, Farewell to the Kremlin). There is also a round platform with benches, on one of which there is a bronze monument to the life-size hero of the exposition – this is a favorite place for visitors to take a selfie.

Meetings are sometimes held in front of the building. So, in 2015, a photo-exhibition dedicated to the events of the 1990s was held near it with the motto "God forbid again".

In 2017, the Yeltsin Centre became the first Russian laureate of the European Museum of the Year international award. The design of the exposition was awarded in the award diploma, the "outstanding level of multimedia" and the "bright program of public lectures and seminars" were noted.

Nevertheless, in the spring of this year, information was spread on the Internet about the possible demolition of the Yeltsin Centre and the construction of a temple in its place. About three hundred people went to a spontaneous protest against this alleged scenario of the events of May 16.

Radio House in St. Petersburg

News, p.

In the city on the Neva river, there is a beautiful mansion on Italian Street, which is now a well-known architectural monument. It was created in 1912-1914 for the Noble Assembly – the club of the small nobility, the middleclass merchants and officials. In the spacious halls, decorated with paintings and sculptures, at first, they had a lot of fun – they arranged balls and masquerades, literary readings, and

staged performances. But World War I soon began, and already in December 1914, the infirmary of the Japanese Red Cross detachment was placed in the building. And in 1915 on the second floor they created a temporary Orthodox church of St. Nicholas the Wonderworker.

In 1918, the proletarian culture organization occupied the former house of the Noble Assembly; in 1924, the Colossus cinema also opened. In 1933, the whole building was given to Leningrad Radio. During the years of the blockade, it became legendary, because even in the most difficult times it did not interrupt its broadcasting. The radio transmitted airborne alarms and the sound of a metronome, which was called the heartbeat of the city. It supported hope in Leningraders, telling how things were going on at the front, broadcasting theatre performances. On August 9, 1942, in the Great Hall of the Leningrad Philharmonic, the premiere of the Seventh Symphony by Dmitry Shostakovich took place, and it was broadcast on the radio. Even children's broadcasting worked: at the beginning of the war it was stopped, but at the request of the children of Leningrad it was soon restored again.

Many employees of the House of Radio lived in it during the blockade, because they could not walk from hunger. They ate jelly from wood glue and suffered a terrible cold: the heating in the city did not work, and the huge premises of the building on Italian Street were impossible to heat with a stove. People realized the importance of their work: the radio made people understand that the city had not yet been commissioned. There were especially severe times, for example, in January 1942, when it stopped working for two to three days. The poet Olga Berggoltz recalled how once after such a lull some old man came to the studio from Vasilyevsky Island and said that without a working radio it's very scary: "Without radio you are lying as if in a grave. Just like in a grave".

Radio broadcasting from the building on Italiyanskaya Street continued after the war until our time. Since 2004, a talk show on Channel Five of the Open Studio was also filmed at the Radio House.

Anna CHEPURNOVA

10 октября
к юбилею
АЛЕКСЕЯ КРАВЧЕНКО

По роману Клауса Манна

МЕФИСТО

История одной карьеры

МХТ

МОСКОВСКИЙ
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ТЕАТР ИМЕНИ А.П.ЧЕХОВА

122-Й СЕЗОН

Режиссер и автор
инсценировки

Адольф
Шапиро

Художник

Мария
Трегубова

В главных ролях

Алексей
Кравченко

Николай
Чиндяйкин

Станислав
Любшин

Андрей
Бурковский

Юлия
Снигирь

Светлана
Иванова-
Сергеева

Александра
Ребенок

Заказ билетов: (495) 646 3 646, 692 6748

Билеты онлайн: www.mxat.ru

98FM
CHOCOLATE
RADIO

87.5 BUSINESS FM

ГОД ТЕАТРА В РОССИИ

16+

информационная поддержка

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
РУКОВОДИТЕЛЬ ТЕАТРА
СЕРГЕЙ ЖЕНОВЛЧ

16 ОКТЯБРЯ

10, 27 НОЯБРЯ

Дана Сидерос

“Всем кого
касается”

РЕЖИССЁР Константин Райкин

художник Марфа Гудкова

16+